

Арина
Арская

ПРЕДАТЕЛЬ

ТЫ ЛГАЛ МНЕ ГОДАМИ

Арина Арская

Предатель. Ты лгал мне годами

<https://litres.ru/74294259>

Аннотация

— Я дочь твоего мужа! — девица с ядовитым презрением выплевывает каждое слово. Ей лет пятнадцать. Одета в яркие кислотные цвета, от которых рябит в глазах. Грудь сдавливает паникой. Кладу руку на живот, умоляя малыша успокоиться, и тихо отзываюсь под новый болезненный пинок: — Это какая-то ошибка... — Да? — ее громкий смех бьет по вискам пульсирующим гулом. — Боже, — окидывает меня насмешливым взглядом, — какая ты лохушка! Старая пузатая лохушка!

Двадцать два года крепкого и счастливого брака. У старшей дочки Светы через неделю свадьба, а сынок Аркаша готовится к поступлению на архитектурный факультет. Мне сорок и я на седьмом месяце беременности. Я была счастлива до того момента, пока не вскрылась правда о моем любимом муже, который годами лгал мне и скрывал вторую семью

Бесить будут все. До скрежета зубов и желания выбросить телефон в окно с криками “Да сколько можно?!” Поэтому если нервишки слабые, то книгу не открываем.

Содержание

Глава 1. Я дочь твоего мужа	5
Глава 2. Ты не хочешь ни в чем признаться?	9
Глава 3. Тебе нельзя нервничать	14
Глава 4. Я думал, ты умная женщина	18
Глава 5. Кого я любила?	23
Глава 6. Я рядом	27
Глава 7. Дерьмово	33
Глава 8. Подумай о нашем сыне	38
Глава 9. Она знает?	43
Глава 10. Все имеет свою цену	48
Глава 11. Я тебя очень прошу, Люба	53
Глава 12. Пусть папа поможет	58
Глава 13. Как мама?	62
Глава 14. Я папе пожалуюсь	66
Глава 15. Ты не дура, Люб	70
Глава 16. Преодолеем	74
Глава 17. Все эти годы были зря	78
Глава 18. Поеду к твоему папе	82
Глава 19. Не на тебе	86
Глава 20. Зачем ты мне это сказал?	90
Глава 21. Пора взрослеть	94
Глава 22. Мне не нравилась твоя семья	98
Глава 23. Принцесса	102

Глава 24. Потерять все	106
Глава 25. Это дело прошлого	112
Рот закрой	118
Глава 26. Удивляешь	120
Глава 27. Я не буду это терпеть	125
Глава 28. Да, я тебе кое-что скажу	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Глава 1. Я дочь твоего мужа

— Я дочь твоего мужа! — раздается гневный девичий голос за моей спиной.

Я не сразу понимаю, что этот злобный и громкий оклик предназначается мне. Только после невоспитанного “Эй, Абрамова!” я недоуменно оглядываюсь.

Это у кого хватило смелости сорокалетнюю женщину грубо окликнуть по фамилии?

— Прости, — в моем голосе прорывается возмущение, когда я вижу у фонаря девочку-подростка с растрепанным светлым каре. — Ты это ко мне?

Готовлю гневную речь, что ко мне стоит обращаться по имени-отчеству. Удивительно, какие сейчас иногда встречаются невоспитанные дети и подростки.

Их надо учить элементарным правилам поведения.

— Да, ты! — голос дрожит гневом.

Подходит ко мне и с вызовом щурится, сжимаю кулаки.

— Во-первых, когда мы успели...

Пинок в животе, и он отзывается где-то в почках. Мне бы сейчас присесть и передохнуть. Семь месяцев беременности и сорок лет — это не шутки.

Я уже не юная козочка, которая может чуть ли не бегать и не прыгать с животом.

— Замолчи и слушай меня! — девица буквально скалит

свои зубы на меня. — Я дочь твоего мужа! — с ядовитым презрением выплевывает каждое слово.

Ей лет пятнадцать. Одета в яркие кислотные цвета, от которых рябит в глазах. Грудь сдавливает паникой.

Кладу руку на живот, умоляя малыша успокоиться, и тихо отзываюсь под новый болезненный пинок:

— Это какая-то ошибка...

— Да? — ее громкий смех бьет по вискам пульсирующим гулом. — Боже, — окидывает меня насмешливым взглядом, — какая ты лохушка! Старая пузатая лохушка!

У меня брови ползут на лоб.

Мозг отказывается воспринимать слова незнакомой девочки в салатовой спортивной куртке.

Я сейчас вообще очень медленно соображаю. Так было и с прошлыми моими двумя беременностями.

— Что молчишь? А?

Какая неприятная и наглая девочка.

— Вы совсем ополоумели со своим интернетом, что ли? — тихо говорю я и озираюсь по сторонам в поисках других подростков с телефонами в руках. — Что это за шутки такие...

Вероятно, я стала жертвой малолетних тупых пранкеров, которые снимают свои шутки на телефоны и выкладывают потом в интернете, продолжая глумиться над жертвами уже в сети.

Но я не нахожу среди прохожих других подростков, кото-

рые бы меня снимали.

— Ты еще и тупая!

— Кто твои родители?! — повышаю голос до громкой строгости и хватаю мелкую дрянь за предплечье. Подаюсь в ее сторону. — Может, папа и мама тебе не объяснили...

— Мой папа — твой муж, овца!

Вздрагиваю как от хлесткого удара плетью, и замираю с круглыми глазами.

Не похоже, что девочка шутит.

Она вырывает руку из моего захвата, кривится и лезет в карман своей салатовой куртки.

Сейчас я замечаю в ее лице знакомые черты. Брови и подбородок...

Нет.

Что за глупость.

Опять пинок в животе. Я ойкаю и отступаю.

— Да что ты, корова-то, посреди дороги встала?! — меня оглушает старушечий голос, и чьи-то руки грубо отпихивают меня в сторону. — Ты бы еще тут разлеглась!

Я чуть не падаю, но старой кошелке, которая прет дальше, сплюнув под ноги, все равно, что она толкнула беременную женщину.

Девка, которая назвалась дочерью моего мужа Богдана, разочарованно хмыкает, когда я все же ловлю равновесие и не падаю.

Ни стыда в зеленых глазах, ни сочувствия.

Если бы я упала, то она, наверное, пнула меня по животу.
— Вот! Смотри! — сует мне в лицо смартфон с фотографией, на которой запечатлен мой благоверный супруг с маленькой девочкой на руках.

Весь остальной мир плывет.

— Вот еще! — девица листает фотографию за фотографией, а я отступаю и отступаю, прижав руку к животу.

Карусель фотографий.

Пинок за пинком, а затем тянущая боль.

— Он — мой папа! — с угрозой заявляет яркое салатовое пятно. — Хватит это скрывать! Мне надоело!

— Женщина! Вам плохо?

Чьи-то руки подхватывают меня, а обеспокоенный женский голос перерастает в звон в ушах.

— Воды! Да что же ты стоишь?! Это твоя мама?

— Нет, и пусть хоть здесь родит!

Новый пинок в животе перерастает в тянущую боль у мочевого пузыря. Я слышу в темноте, как я шумно выдыхаю и шепчу:

— Все в порядке... Все в порядке...

А затем тьма вибрирует рингтоном, который я поставила на контакт Богдана. Я на ощупь пытаюсь найти сумку:

— Это мой муж... звонит... — держусь из последних сил.

— Богдан... Абрамов Богдан... А меня зовут Абрамова Любовь...

Глава 2. Ты не хочешь ни в чем признаться?

— Люба! — зычно гаркнув, в кабинет врача врывается Богдан.

Высокий, широкоплечий в сером костюме, что ему пошил на прошлой неделе итальянский портной.

Лицо бледное. Глаза горят беспокойством.

Он размашисто шагает ко мне:

— Что стряслось, — затем переводит темный и гневный взгляд на моего гинеколога Ирину Витальевну, которая медленно и деловито поправляет очки на носу. — Все в порядке?

Кидает беглый взгляд на мой живот, чтобы удостовериться, что он еще на месте и выдыхает:

— Господи...

— Давление скакнуло, — поясняет Ирина Витальевна и откладывает ручку.

А я все смотрю и смотрю на Богдана в попытках разглядеть в нем лжеца, который годами скрывал внебрачную дочь и другую женщину.

— Тогда я ее забираю.

Богдан подходит ко мне, подхватывает меня предплечье, желая мне помочь, а я от него отшатываюсь, как от чумного.

Он недоуменно вскидывает бровь.

— Вероятно, ваша жена немного перенервничала, вот и давление так скакнуло. Такое часто бывает, поэтому мы, — Ирина Витальевна вздыхаем, — просим беременяшек лиш- ний раз не нервничать.

— А какая причина того, что ты нервничала? — строго интересуется Богдан и немного щурится. — Люба...

— Была одна причина...

Он, подхватив меня за подмышки, аккуратно ставит на ноги. Мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть в его лицо.

— Я если что на связи, — Ирина Витальевна подпирает подбородок рукой и переводит взгляд на экран. - И следите за давлением.

— Идем.

Богдан выводит меня из кабинета, а я продолжаю на него смотреть, не моргая.

Я не верю, что мой любящий и заботливый муж, в котором я была уверена на все сто пятьдесят процентов, мне изменял и завел на стороне ребенка.

— Люб, ты меня начинаешь нервировать, — насторожен- но косится и распахивает входную дверь. Смеется. — Ты случайно головой не ударилась?

Двадцать два года брака.

Наши родители были соседями. Мы сначала дружили, хо- дили друг к другу в гости, а потом в восемнадцать лет я в комнате Богдана потеряла девственность.

После тошнота, испуганный разговор шепотом, слезы и его решительное “Женимся, блин! Женимся, Любка!”

Он тогда сгреб меня в охапку, расцеловал всю и сказал, что быть молодыми папой и мамой круто.

А еще признался, что любит меня с пятого класса. Я плакала и плакала, но уже не от страха, а от радости, что Богдан не прогнал меня, что он не испугался ответственности и что он уверенно выступит против отца, который хотел отправить его учиться за границу.

— Нет, головой я не ударилась, — блекло отвечаю я и выхожу на крыльцо клиники.

Двадцать два года брака.

Двадцать один год старшей дочери Свете, которую через неделю ждет роскошная свадьба и брак с сыном делового партнера Богдана.

Семнадцать лет сыну Аркадию. Богдан готовит его к тому, что он однажды займет место главы в его строительной компании, которая разрослась по всем крупным городам сетью филиалов, но сейчас Аркаше стоит подумать об образовании. Выбор пал на архитектурный факультет с дополнительными курсами с инженерным уклоном. Сейчас готовится к вступительным экзаменам.

Двадцать два года брака и поздняя беременность с наивной уверенностью, что у нас все получится.

— Люба! — окликает меня Богдан, хватая за запястье и разворачивает меня к себе. — Да ешки-матрешки! Ты куда

так стартанула?!

Сбежать не удалось.

Да и куда бы я сбежала?

Это в двадцать лет можно сбежать от неверного мерзавца в далекие дали с распущенными волосами, что красиво развеваются по ветру.

Мне сорок.

И, наверное, я стану скоро не только мамой, но и бабушкой, потому что в прошлый раз я заметила, как Светка тайком спрятала под язык лимонную карамельку.

Я тоже ими спасалась от токсикоза.

В кармане вибрирует телефон, который я под цепким и внимательным взглядом выуживаю из приталенного пиджачка.

Светуська: Мам, нам сегодня еще в цветочный. Ты же помнишь? И на финальную примерку платья.

Торопливо дрожащими пальцами печатаю “помню” и прячу телефон обратно в карман.

Поднимаю взгляд на Богдана. Морщусь от пинка в животе и прижимаю к нему ладонь, успокаивая сыночка, который будто почувствовал мою черное отчаяние перед неизбежным.

— Люб, может, мы вернемся, а? И пусть тебя еще раз осмотрят, — вскидывает бровь.

— Милый, — касаюсь его рукава, а затем крепко стискиваю тонкую шерстяную ткань в пальцах. — Ты не хочешь

мне ни в чем признаться?

Глава 3. Тебе нельзя нервничать

Отъявленный лжец никогда не признает свою ложь и будет отпираться до победного. А если поймаешь его за руку, то и тогда он попытается выкрутиться.

— Это не то, что ты подумала.

— Это не моя рука.

— Это не я.

— Ты все придумала.

Вот и Богдан сейчас недоуменно вскидывает бровь и уточняет:

— О чем речь, Люба? Я в полной растерянности.

Ни искорки паники.

Ни тени беспокойства.

Ни один мускул не дрогнул.

Неужели та девочка в салатовой куртке просто разыграла меня? Задать вопрос напрямую?

А я боюсь правды. Это же сколько лет меня обманывали.

— Похоже, тебе надо прилечь, Люб, и я все же вызову нашего домашнего врача, — лезет в карман за смартфоном, и я хватаю его за запястье, вглядываясь в серо-зеленые глаза.

— Тебе стоит признаться сейчас самому, Богдан, — мой шепот дрожит гневом. — Я это заслужила...

В кармане Богдана вибрирует телефон. Он игнорирует вызов. Берет меня за руку и ведет в сторону парковки:

— Ты меня беспокоишь, Люб. Раньше у тебя таких фокусов в прошлые беременности не было. Ты мороженое из соленых огурцов требовала...

— Ответь на звонок! — вырываю руку из его захвата. — Немедленно ответь! — затем я протягиваю руку под снисходительным взглядом, — или дай я сама отвечу.

Богдан приподнимает брови и медленно моргает.

Чувство того, что я дура набитая, растет с каждой секундой.

— Ответь, — Богдан выживает из кармана брюк смартфон и не глядя протягивает его мне. — Это и есть те самые гормональные перепады настроения, да?

Выхватываю телефон.

На экране мужское имя Павел Самойлов.

Это один помощников Богдана. Я его знаю даже лично. Тридцать пять лет, женат, два сына десять и пять лет.

— Алло, — прикладываю телефон к уху. — Слушаю.

— Любовь Владимировна? — удивляется голос Паши в трубке, а я щурюсь на Богдана.

— Именно. Зачем звонишь? Богдан не может ответить... — выдыхаю и твердо говорю. — Я за него.

— Я звоню сказать, что груз застрял на таможне.

Щурюсь сильнее.

Женская чуйка визжит, что речь идет не о грузе на таможне.

— Какой груз?

Вот тут Павел теряется на несколько секунд, которые мне говорят, что этот внезапный звонок должен сказать моему мужу что-то очень важное.

— Партия медицинских столиков... На колесиках... Я перезвоню, Любовь Владимировна.

Звонок обрывается.

Я протягиваю телефон Богдану:

— Груз застрял на таможне, — делаю паузу, хмыкаю и раскрываю карты тихим вопросом, — и как зовут ее? М? Твою дочь на стороне?

Над головой Богдана пролетает желтый лист, который срывается с ветки старого ясеня. Невозмутимое лицо Богдана так и не дергается.

И не бледнеет.

Только глаза становятся вмиг холодными и отстраненными.

Это был не подростковый пранк и меня не в шутку называли пузатой лохушкой.

Руки трясутся, и из слабых пальцев медленно выскальзывает смартфон, который Богдан ловко подхватывает и прячет в карман.

Переводит взгляд на ясень и с тихим недовольством цыкает, будто он не дочь на стороне завел, а споткнулся.

Экая, оказия приключилась.

Мимо проходит пузленькая девушка в пушистом белом кардигане и обеспокоенно косится на меня, ведь я так и стою

перед Богданом с протянутой рукой, которая сильно трясется, словно в запущенном старческом треморе.

Двадцать два года брака, в котором я была уверена, как и в том, что Земля — круглая, но сейчас мой мир оказался плоским, и он перевернулся.

— Дома поговорим, — Богдан, наконец, смотрит на меня, а после касается моей руки и с давлением опускает ее.

Потом он крепко и до боли стискивает меня за плечи, с недовольным прищуром вглядываясь в мои глаза:

— Вот из-за чего ты разнервничалась?

— Не трогай меня... — могу лишь в отчаянии прошептать.

— Пусти...

А сама своего тела не чувствую.

Только сердце, которое бухает в груди и вот-вот треснет и расколется на две половинки.

— Ты можешь закатить истерику здесь, Люб, — Богдан приближает свое лицо к моему, — но ты всегда была из тихих женщин, верно? Это мне в тебе и нравится, поэтому мы сейчас поедem домой.

Дочка однажды показала мне смешное видео, на котором козы от испуга резко падали на землю.

Вот и я, как испуганная коза, сейчас вся оцепенела.

— Пойдем, дорогая, — Богдан приобнимает меня за плечи и ведет по брусчатке прочь от больницы. Шепчет на ухо. — Дыши. Тебе нельзя нервничать.

Глава 4. Я думал, ты умная женщина

Богдан распахивает передо мной боковую дверцу черного гелендвагена, за рулем которого нас терпеливо ждет молчаливый водитель Архип.

— Заползай, — говорит Богдан ровным голосом.

Смотрю на него и вижу чужого мужика, будто не было у нас двадцати двух лет брака. Да, это все еще Богдан, но он для меня изменился.

Он был для меня скалой, за которой я могла с детьми спрятать в шторм, а теперь вижу лжеца с холодным и острым взглядом.

— Люб, — он будто угадывает мои мысли, — тебе же не восемнадцать, чтобы сейчас куда-то бежать, сломя голову. Да и вряд ли далеко убежишь.

Я в шоке прижимаю к губам пальцы и продолжаю смотреть в лицо, которое в миг ожесточилось. Линии челюсти и высоких скул будто стали резче, а короткая щетина — темнее.

— Садись в машину, Люба.

— Это правда?

Спрашиваю я и словно даю сейчас Богдану шанс переубедить меня или вновь солгать.

— Садись в машину.

Я хочу кричать.

Хочу рвать волосы на голове.

Хочу топтать вычищенные до блеска туфли Богдана и бить его по груди с воплями, что он обманщик и урод.

Хочу сбежать, но он прав.

Во-первых, с животом далеко не убегу.

Во-вторых, мой побег ничего не решит, ведь у нас дочь выходит замуж и куча родственников, которые предвкушают красивую и роскошную свадьбу.

В-третьих, я беременная.

В-четвертых, я не тот человек, который привлекает к себе внимание лишним шумом и криками, зато я могу в панике потерять сознание.

Это несправедливо, но я понимаю, что сейчас мне действительно надо заползти в машину.

Ноги гудят, я устала и опять плечи давит слабость.

Закрываю глаза, обрывая нас с Богданом зрительный контакт и сглатываю ком тошноты.

У меня в сердце будто дырка. С каждой секундой она расширяется и крови в груди становится все больше и больше. Я скоро начну ею захлебываться.

Все так было просто пару часов назад.

Просто и легко.

Жизнь была распланированная, ровная и спокойная.

Единственное о чем я переживала сегодня это — цветы

для свадьбы дочки, которая решила покапризничать в самом конце и потопать ножками, что она не хочет просто белый розы. Нужны молочные. Они сейчас в свадебном тренде.

Сейчас же мой мир разрушен на мелкие кирпичики, как город из лего.

С трудом забираюсь на заднее кожаное сидение и прижимаю ладонь к животу.

— Здравствуйте, Любовь, — приветствует меня усатый Архип и смотрит в зеркало заднего вида, — как самочувствие?

Я лишь молча киваю.

Вновь наши с Богданом взгляды пересекаются. Он едва заметно хмурится и захлопывает дверцу.

Я вздрагиваю.

Неторопливо, размеренным шагом, будто не вскрылась правда о его двойной жизни, он обходит машину и через пару секунд сидит рядом со мной.

Поправляет галстук у горла:

— Домой, Архип.

— Принято.

Строгий профиль — невозмутимый.

Нарстает желание кинуться на него с кулаками или встряхнуть за грудки, чтобы у него проснулась хотя бы искорка стыда или страха, что его семья сейчас под угрозой громкого скандала.

— Ты меня напугала, — заявляет Богдан. — Если у тебя

так давление скачет, то надо с ним что-то решать.

Говорит он слова “что-то решать”, будто перед подчиненными, которые должны найти потери в продажах, а то не видать им тринадцатой зарплаты.

— Ты сейчас серьезно? — могу ответить лишь это в ответ.

Я думала, что жены, когда узнают о изменах мужа, истерят, верещат, кидаются оскорблениями, угрозами и требуют их немедленно оставить, но в жизни все куда хуже.

Крики и требования — это привилегия молодых пар, которые не нырнули глубоко в брак и семью.

Да и меня ударило по голове не измена с какой-нибудь молодой фифочкой, а годы лжи.

В этой лжи росли мои дети, любили отца, ходили с ним в бассейн, ели мороженое, а у него на стороне росла дочь от другой женщины.

Опять не могу моргнуть.

Я думала, что у нас нет тайн.

Я думала, что мы та пара, которая срослась в одно целое и даже наши сердца бьются в унисон.

— Как же так... — хриплый шепот дерет мое горло крупной наждачкой до крови. — Как же я могла не понять... не заметить...

Богдан поворачивает ко мне лицо, и его серо-зеленые глаза выражают.... ничего. Ничего в них нет.

А утром были полны нежности, когда он целовал мой живот и здоровался с малышом, который отвечал мягким, но

уверенным пинком.

— А я думал, что ты просто, как умная женщина, просто молчала, — хмыкает он. — Знала и молчала, но я ошибался, да?

Глава 5. Кого я любила?

Смотрю перед собой.

Как умная женщина, знала и молчала?

То есть по мнению Богдана я та, которая засунула язык в задницу, когда узнала о его связи с другой женщиной.

Что за жест?

Стоим на светофоре.

Мира снаружи салона для меня сейчас размыт в блеклые пятна.

От кондера мне холодно и зябко, а от древесного парфюма Богдана с нотками сухого мха меня начинает подташнивать, хотя сегодня я аж закатывала глаза, когда уткнулась ему в грудь перед тем, как он уехал в офис.

К горлу подкатывает новый ком тошноты.

Меня сейчас вырвет.

Лезу в сумку за пакетиком, сдерживая в себе из последних сил физиологические позывы, которые все же вырываются из меня в сумочку из дорогой телячьей кожи тонкой выделки.

Очень дорогая зараза, но модная и красивая.

Я успеваю только вытащить телефон.

Я издаю жуткие звуки, всхлипываю и опять извергаю из себя нутрянной вой.

— Ничего страшного, — Богдан поглаживает меня по

спине. — Новую купим.

— Не трогай... меня...

Затем у меня в голове вспыхивает мысль, что я могу этой сумкой с блевотиной отхлестать по морде Богдана, но когда я затихаю, он забирает у меня мое потенциальное оружие и протягивает Архипу, который прячет ее у переднего сидения.

— Воды, Любовь? — спрашивает Архип и передает мне пластиковую бутылку с водой. — Мою жену тоже полоскало на третьих родах. Именно на третьих...

Смотрю на его висок и гадаю, а знал ли он о тайне Богдана. Он с нами больше десяти лет и, вероятно, возил “хозяина” к дочурке, а после и мне мило и дружелюбно улыбался.

Моя жизнь с Богданом — красивый карточный домик, который сегодня разлетелся.

— Вы со Светой же еще сегодня встречаетесь, да? — уточняет Богдан. — Если она опять не сможет выбрать лилии она хочет или орхидеи...

— Она хотела молочные розы, — отвечаю я на автомате, прикрыв глаза.

Вскрываю бутылку с водой.

Дыши, Люба.

— То есть белые? — вздыхает Богдан.

— Молочные... — хмыкаю, — тебя сейчас реально цветы волнуют?

— Моя дочь выходит замуж, — голос Богдана становится

тверже, — конечно, меня волнует, что она никак не может выбрать цветы. Неделя, Люб, осталась.

Перевожу на него взгляд.

Ну надо же.

— А как насчет...

— А как насчет того, — он так резко подается ко мне, что я непроизвольно и испуганно отшатываюсь, — чтобы ты сейчас успокоилась, Люб? Как же твои правила, дорогая, когда мы в машине, то не спорим, не пререкаемся, не истерим? — шурится. — Выпей водички.

Моя рука дергается в попытке плеснуть воду в лицо Богдана, но предугадывает меня и перехватывает за запястье.

Мы, наверное, около минуты смотрим друг другу в глаза, и за эту минуту сердце словно высыхает, покрывается тонкими трещинами.

Меня большую часть моего счастливого брака нагло обманывали.

— Это было глупо, Люба, — медленно и тихо проговаривает Богдан, — что ты этим добилась бы, м? Мокрой рубашки?

Говорит со мной, как капризной и истеричной девочкой.

— Пусти.

Богдан медленно разжимает пальцы:

— Я тут с тобой, Люба, а это самое главное сейчас, — поправляет ворот моего платья, — и мы с тобой многое прожили, прошли и...

— Заткнись, — цежу сквозь зубы.

Затем я отворачиваюсь, потому что из глаз буквально потоком вырываются слезы, и присасываюсь к бутылке.

Несколько глотков, и прижимаю кулак к губам, медленно выдыхая. Вздрагивают плечи, и я вся съеживаюсь.

За кем мне сейчас спрятаться от мужа-лжеца?

И как быть?

Да, мы прошли очень большой путь, а теперь он просто обрывается пропастью.

— Напомни, какие тебе успокоительные таблетки в прошлый раз от тревоги прописывали? — спрашивает Богдан.

Оглядываюсь на него. Его лицо смазывается за солеными слезами. Какой цинизм.

— Ты совсем охамел...

— Я беспокоюсь о тебе, Люба. И, — он делает строгую паузу, с которой лучше не спорить, — нашем сыне.

Выуживает из кармана пиджака смартфон и цыкает:

— Уточню у врача, — касается смартфона и прикладывает его к уху. Мельком смотрит в окно и расслабляет галстук.

Я так и сижу: в одной руке — бутылка воды, а вторая рука прижата в шоке и ужасе ко рту. Я даже не моргаю.

С кем я жила все это время?

Кого любила?

Кому рожала детей со святой уверенностью, что мне крупно повезло с мужиком?

Глава 6. Я рядом

Слезы обрываются моим судорожным выдохом так же резко, как и брызнули. Зажимаю ладони между колен и цепенею, глядя перед собой.

Как же так получилось?

Я, конечно, не совсем наивная дура и знаю, что у мужиков иногда рвет крышу и что они изменяют, но Богдан?

Мой Богдан из когорты мерзавцев, которые обманывают жен годами.

Годами!

Большую часть нашего брака он жил со мной во лжи.

— Понял, — говорит Богдан в смартфон и чиркает черной ручкой Паркер по странице записной книжки. — Записал. У Любы еще сегодня давление резко скакнуло... Может, что-то от давления?

Я медленно поворачиваюсь к Богдану, и мое лицо кривится в гримасе недоумения. К чему эта забота, когда где-то по городу ходит его дочь-подросток от другой женщины?

— Понял, — коротко отзывается и откладывает телефон в сторону. — Архип, в аптеку надо заехать.

Вырывает страницу из ежедневника и передает Архипу.

— Да что с тобой не так, Богдан? — едва слышно спрашиваю я.

Он переводит на меня взгляд, и теперь чувствую, что не

только он стал чужом, но и я ощущаю себя иначе.

Была любимой женой, а оказалось дурой.

Богдан стягивает пиджак, а после накидывает его мне на плечи:

— Дрожишь, — вздыхает, — Архип, кондер выруби.

— Понял.

Я замахиваюсь, чтобы вклепить пощечину Богдану, чтобы хоть как-то выпустить из себя агрессию и обиду, но он опять перехватывает мое запястье.

Медленно опускает мою руку и поправляет пиджак на плечах:

— Не дури, — но я все же улавливаю в его ровном голосе нотки гнева, — следи за собой, Люб. Твои перепады настроения сейчас уже не шутки, — вновь обращается к Архипу. — Слушай, давай нас домой, а потом ты в аптеку сам.

— Понял.

Уверенность в том, что Архип знал о тайне Богдана, растет с каждой секундой. Опускаю лицо и прижимаю ладони к влажному от слез щекам.

Почему мне не двадцать?

В двадцать лет я бы на полную катушку устроила Богдану истерику. С криками, визгами, рыданиями, а сейчас в сорок его обман проживается иначе.

Тише, но глубже.

В двадцать лет — вся жизнь впереди, а в сорок — все равно уже подводишь важные итоги своей жизни. Своей семьи.

Своих отношений.

И мой итог в сорок — беременная дура.

Лохушка.

Пузатая лохушка.

Подростки, конечно, умеют уловить суть.

Хмыкаю.

Наваливается какое-то отупение.

Годами я ложилась в постель к обманщику. Целовала его, принимала его ласки, раскрывалась удовольствием под ним.

Воспитывала детей.

Руки дрожат.

Мы рассказывали нашим детям, что такое хорошо, а что такое плохо. Учили не врать маме и папе...

Боже мой.

Закрываю глаза.

Богдан проживал вместе со Светой первую любовь, ее слезы от неразделенных чувств, а после вел серьезную беседу с ее будущим мужем Андреем и строго заявил, что нашей дочери нужен достойный муж.

А сам что?

Болезненный пинок у печени, и я со стоном прижимаю ладонь к животу.

— Люба? Все в порядке?

В моей голове пролетают яркие осколки счастливых воспоминаний, которые теперь запачканы отвратительной правдой.

Мой муж жил двойной жизнью.

Новый пинок, но уже с другой стороны, и прижимаю к животу вторую ладонь, и медленно выдыхаю.

Я сейчас описаюсь.

Физиология за секунду стирает мою злость, обиду и недоумение.

Я теперь чувствую только свой мочевой пузырь, и у меня такое ощущение, что сына в животе на него сел.

Если я сейчас еще и обоссусь ко всему прочему, то это будет просто финиш.

— Люба, — Богдан касается моего плеча. — Не молчи.

Вот тебе, Люба, реальность в беременные сорок лет. Из тебя по капле просачивается моча, а у тебя никак не выходит все сжать все между ног.

— Архип, — шепчу я, — а ты...

Мы уже на шоссе, которое ведет в наш элитный пригород для удачливых по жизни.

— Вам плохо, Люба?

Ненавижу свою жизнь.

Ненавижу, что мне сорок лет, которые подбрасывают мне то изжогу по утрам, то отекающие ноги, то опухшие суставы, то седые волоски на макушке...

— Люба! — повышает голос Богдан.

— Не трогай меня!

Плотину прорывает. Я срываю пиджак из итальянской шерсти с плеч и торопливо запикиваю под себя со слезами

стыда, гнева и ненависти:

— Какой же ты урод...

Я не могу остановить этот теплый поток, как бы ни старалась, а из итальянской шерсти можно шить памперсы для беременных сорокалетних теток.

Отлично впитывает.

Да, портной, узнав, что его пиджак, который он шил несколько недель, использовали как пеленку для беременной дуры, наверное, был бы возмущен.

— Люба... ты что рожаеть...

Архип за рулем напрягается. Кидает обеспокоенный беглый взгляд в зеркало заднего вида:

— Рано.

Мочевой пузырь опустошен, и вместе с его содержимым из меня будто моя душа вытекла на пиджак из тонкой мягкой шерсти.

Отвратительный день.

Прячу лицо в ладонях.

Судя по молчанию Богдану, он понял, что я не рожая.

Я знала, что поздняя беременность будет для меня сложной, но и подумать не могла, что настолько.

Архип тоже молчит.

Тоже все понял.

Малыш в животе затихает, а я хочу вернуться в свои восемнадцать лет и переписать свою жизнь.

— Все в порядке, Люба, — говорит Богдан. — Все хоро-

шо. Я рядом.

— Лучше бы тебя не было рядом, — выдыхаю я в ладони.

— Лучше бы тебя не было.

Глава 7. Дерьмово

Сажу голая на бортике и смотрю на платье в углу у корзины с грязным бельем. Желтые разводы на тонком светлом шифоне и какой-то кисловатый запах мочи.

Наверное, я выкину платье.

Вот она реальная жизнь.

Вместо скандала с громкими претензиями на пороге дома я кинулась на второй этаж, чтобы скорее переодеться и принять душ.

Чувствую себя дерьмово.

Наконец, я поняла, что означает чувствовать себя дерьмово.

Это не грусть, не злость, не обида.

Это липкая и противная апатия.

— Господи, — накрываю лицо ладонями.

Плакать уже не хочется.

Да и кричать тоже.

Хочется проснуться. Открыть глаза и выдохнуть, что мне все это приснилось.

Что мне делать?

Провожу ладонью по круглому животу, будто жду ответа от сыночка, который мягко и приветливо толкается.

Знала, но молчала.

Вероятно, Богдан сейчас ждет того, что я не стану мутить

воду нашего семейного оазиса, который оказался болотом.

И как бы ни было мне неприятно сейчас, я согласна с ним, что открытый скандал будет большим злом, чем правда.

У нас через неделю свадьба дочери, которая явно на ранних сроках. Я бы не хотела омрачать ее начало семейной жизни дразгами с Богданом.

Аркашу ждут сложные вступительные экзамены, другая страна и непростая учебная программа. Это и так мощный стресс, а тут сверху бьет новость, что его отец, которого любит и уважает, как сын, годами нас обманывал. Это будут жопа.

Мои пожилые родители не могут похвастаться здоровьем. У отца в прошлом году была операция на сердце, а у мамы — высокое давление и высокая вероятность того, что может накрыть инсульт.

И о себе не стоит забывать.

Вот и выходит, что правда может стать настоящим апокалипсисом для моих детей, близких и самой меня, потому что сейчас у меня очень мало сил.

На бортике ванной вибрирует телефон.

Доча звонит.

Не хочу отвечать.

Она сейчас вся в мыслях о свадьбе, о белых цветах, о платье и о том, что это будет самый счастливый день в ее жизни.

И этот день я могу испортить.

— Да, доча?

— Ма, — тянет Светуся, — слушай, давай... — смеется и шепчет на сторону, но я все отчетливо слышу, — блин, Андрей, прекрати... — вновь орбщается ко мне, — на часик перенесем?

— Будущей теще привет... — раздается смешливый голос моего будущего зятя, — каюсь, это я причина того, что встречу придется перенести...

Света опять смеется.

От ее озорного и легкого смеха сжимается сердце.

— Хорошо, мамуль?

— Хорошо, — киваю.

Звонок обрывается. Сижу минуту. Надо, наверное, предупредить флористку, что встреча переносится на час.

И да, я права. Светуся позвонила мне, а о флористике Кате забыла. Молодость она такая.

Глупая и эгоистичная.

Накидываю халат на плечи. Затягиваю пояс поверх живота под раздутой грудью, глядя на свое отражение.

Бледная, а глаза красные и опухшие.

Через пять минут, я замираю у дверей столовой, из которой доносится тихий напряженный голос Богдана:

— Где она может быть? — пауза. — Кристина, ты понимаешь, что это проблема? Как она вышла на мою жену, м? — опять замолкает и медленно вздыхает, — не реви... Найдут ее...

— Ой... — шепотом ойкаю. В моем животе опять кувыр-

каются.

За дверью воцарилось тяжелое молчание, а после следует:
— С тобой на связи будет Павел. Найдут.

А я все не решаюсь зайти в столовую даже после того, как я выдала свое присутствие.

Я даже пчусь, но Богдан распахивает широко двери, и я его пугаюсь впервые за весь наш брак.

У него все лицо заострилось.

Скулы и подбородок выступили вперед, а глаза недобро сощурены.

— Кристина? — шепотом спрашиваю я.

Богдан молчит и продолжает на меня щуриться.

Я знаю одну Кристину из его прошлого. Это школьная подруга его младшей сестры Иришки, которая младше нас на пять лет.

Я помню эту громкую девочку Кристину, которая никогда со мной не здоровалась, когда я бывала в гостях у Богдана, сердито смотрела на меня и тайком кривила губы.

— Это та Кристина?

Я знаю, что после окончания школы дружба девочек захла. Не знаю подробностей, но ведь такое часто бывает, что школьные подруги после выпускного идут разными дорогами.

Стою сейчас перед Богданом и, наконец, до меня доходит, почему шумная Кристина относилась ко мне с тихой агрессией.

Она, похоже, была влюблена в старшего брата подруги. Он же красавчиком был. Диковатый такой с хищной улыбкой и смехом, от которого мурашки бежали по коже.

Многие на него пускали слюни, а он на мне женился.

По залету.

Женился бы он так рано, если бы я тогда не забеременела с одной лишь нашей близости на его кровати летним жарким вечером.

Я до сих пор помню, как ветер из открытого окна целовал прохладой мою шею в мелкой испарине.

И как мы держались за руки после неловких и неумелых толчков и прислушивались к себе, выискивая в наших юных душах ответ на вопрос “Теперь мы взрослые?”.

— Это та Кристина? — повторяю я вопрос. — Подруга твоей сестры?

Глава 8. Подумай о нашем сыне

Богдан проходит к обеденному столу, за которым было много теплых и дружных завтраков, обедов и ужинов.

Мы смеялись за ним, разговаривали, шутили и строили множество планов.

Мы были идеальной семьей.

Той самой, на которую смотришь и мечтательно вздыхаешь. И все это было ложью.

Я не понимаю.

Не понимаю, как Богдан мог совместить свою ложь с тем, что у нас было. Я бы не задалась этим вопросом, если бы он в нашем браке вел себя сволочью и уродом.

Нет же.

Очень внимательный муж.

Заботливый отец.

Прекрасный и чуткий любовник.

Поднимается тошнота.

Богдан садится за стол на свое место главы семьи. Откидывается на спинку, постукивает пальцами по столешнице и вздыхает:

— Да, это та Кристина.

И замолкает, будто наш разговор окончен, и ему больше нечего сказать, и я тоже молчу.

У меня столько вопросов, но вместе с этим я не вижу в

них смысла. Для чего мне пытаться сейчас Богдана?

Чтобы понять?

Не хочу я его понимать.

— Я... — сглатываю и делаю глубокий вдох, чтобы не заплакать, — я...

И я теряю мысль, потому что мою глотку обжигает едкая отрыжка. Она будто плавит хрящи и слизистую.

Прижимаю кулак к губам и отворачиваюсь от Богдана.

Я чувствую себя под его сверлящим взглядом сейчас очень слабой и уязвимой, и он, вероятно, это понимает.

— Я тоже недоволен тем, что Доминика... — Богдан вздыхает, — решила с тобой лично познакомиться.

— Доминика? — шепчу я в кулак. — Вот как ее зовут.

Какое интересное имя, но я думаю, что это в стиле Кристины. Она такая девчонка была: Дерзкая, модная и очень современная.

— Люба, — голос у Богдана спокойный и отстраненный, — они как жили отдельно, так и будут. Я решу это вопрос, проведу беседу и разъясню на пальцах, что... — вот тут у него все же проскальзывает в голосе звенящая сталь гнева. Делает небольшую паузу и спокойно продолжает на выдохе, — разъясню, что они — не твоя забота. Так было, так и будет дальше.

— И ты ведь не видишь в этом проблемы, — обескураженно шепчу я.

Хмыкает, а после массирует переносицу. Медленно и с

сильным нажимом.

— Нет, это проблема, — наконец отвечает он, — ну что ты, Люба, — поднимает на меня взгляд, — я не ожидал такого. И мне все это не нравится, но я стараюсь сейчас вести с тобой диалог сдержано и спокойно, потому что ты в положении, милая.

Я медленно моргаю и сиплю:

— Так я должна тебе сейчас спасибо сказать за то, какой ты у меня заботливый? — повышаю голос. — Ты сейчас серьезно?!

Резко замолкаю, потому что слышу шаги. Громкие такие и предупреждающие, что кто-то идет, и этот кто-то не желает невольно подслушать скандал.

В столовую заходит молчаливый Архип. Я отступаю в сторону и затягиваю халат под грудью ту же и смотрю в сторону окна, на подоконник которого приземляется воробей. Счет и улетает.

Забери меня с собой, воробушек.

Я в глубокой жопе, из которой мне не выбраться без серьезных потерь, и их цена слишком высокая.

— Купил, — Архип выкладывает из белого бумажного пакетика на обеденный стол две плоские коробки. — Вот.

Это легкие успокоительные из всяких травок-муравок. Я их пропивала в первые месяцы этой беременности.

Меня тогда накрыл страх, что я не справлюсь и что я рожу инвалида, но таблеточки мягко меня успокоили.

Прячет пустой пакет в карман пиджака и торопливо ретируется.

— Стой, — говорю я и повторяю тише. — Стой, Архип.

Тот останавливается в проеме дверей. Оглядываюсь на его спину.

— Люб, — Богдан опять постукивает пальцами по столешнице. — Это наш с тобой разговор. Только между нами.

— Тогда я пойду? — спрашивает Архип.

— Иди, — Богдан кивает.

— Ты знал о Доминике? — спрашиваю я, но Архип молча уходит. — Знал?

Не ответит.

Босс же дал добро уйти без ответов на неудобные вопросы.

— Он возил наших детей в школу, — я вновь смотрю на Богдана, и у меня начинают дрожать, как в треморе, руки.

— И что?

— И что? — я почти вскрикиваю.

Богдан, не отрывая взгляда от меня, моргает и поднимается на ноги.

Слишком резко. Стул падает. Я вздрагиваю от громкого стука, с которым стул встречается с дубовым паркетом.

Богдан не поднимает его и молча исчезает на кухне, нервно одернув пиджак.

Поэтому у нас никогда не складывались громкие и яростные скандалы. У меня не хватало на них смелости и энергии,

а у Богдана — эмоциональности и открытости.

Он мог порычать, а я — расплакаться, после чего он замолкал и закрывался.

Выходит из кухни со стаканом воды.

Ставит его на стол и подхватывает одну из двух коробочек. Вскрывает ее, достает блистер и выдавливает на ладонь две таблетки.

— Я настаиваю, — через секунду он уже стоит передо мной со стаканом воды в одной руке и таблетками в другой.

— Да как у тебя совести хватает...

— Подумай о нашем сыне, — подается в мою сторону и вглядывается в глаза. — Тебе что врач сказал?

Меня клинит. Я выбиваю стакан воды из руки Богдана. Звон стекла, на ноги брызгает холодная вода, что обжигает кожу, и я кричу:

— Я должна была пойти на аборт! На аборт!

Глава 9. Она знает?

— Выпей эти сранные таблетки, — низко и с угрозой рычит Богдан, и его зрачки расширяются, а на лбу проступает пульсирующая венка ярости. — Я тебя очень прошу...

— Это была ошибка, — мне бы заткнуться, но мерзкие жестокие слова сами лезут из моей глотки, — я ведь не хотела... Я боялась...

По щекам текут горькие слезы.

— Так ты решила устроить себе выкидыш на позднем сроке? — подается ко мне и щурится.

А после следует резкий и ловкий рывок, которым Богдан разворачивает меня к себе спиной, а после быстро запрокидывает мою голову за лоб.

Во вспышке испуга я приоткрываю рот, и Богдан закидывает в него таблетки. Крепко прижимает ладонь к моим губам и напряженно выдыхает через нос мне в шею, как разъяренный бык.

Таблетки проскальзывают к корню языка, и я их сглатываю, широко раскрыв глаза от шока, как кошка, которую “накормили” лекарством.

Я не дергаюсь и даже не мычу.

Богдан убирает руку с моего рта и бесшумно отступает к столу, а я в тихом ошеломлении медленно моргаю.

— Я понимаю, — Богдан выдавливает из блистера еще две

таблетки себе на ладонь, — ты все это говоришь не всерьез.

Замирает на несколько секунд, упершись кулаками о столешницу, и смотрит перед собой:

— Ты просто перенервничала.

Затем он закидывает в себя таблетки и с тихим хрустом медленно пережевывает. В молчаливом страхе наблюдаю, как под кожей перекачиваются его напряженные желваки.

Лужа на полу растекается и доходит холодным краем до моих стоп.

Не хочу с Богданом никаких разговоров.

Хочу исчезнуть.

Спрятаться.

Сбежать.

Не хочу копаться в этом дерьме и выяснять, как так вышло, что любимый и любящий муж завел ребенка на стороне.

— Эти годы, Люб, были, — он четко выговаривает каждый слог, — хорошими, и ты не поспоришь с этим.

— Это все было ложью... — сиплым шепотом отвечаю я и пячусь к стене.

— В которой тебе было хорошо, — холодно отзывается Богдан. — Нашим детям было хорошо. У них была полная семья. Мама и папа.

Замолкает и шумно выдыхает:

— Они росли счастливыми...

— Хватит, — едва слышно перебиваю я Богдана, который

разворачивается ко мне, — прекрати себя оправдывать. Это подло!

— Оправдываюсь? — скалит зубы в улыбке. — Нет. Я констатирую факт, — тычет в мою сторону указательным пальцем. Повышает голос. — Я решил сохранить нашу семью! — пауза и переходит на тон ниже. Получается это у него с трудом. — И что бы ты сейчас ни говорила, Люб, это было правильным решением.

А какое сейчас правильное решение?

Прошрое, в котором я была слепой идиоткой, мне не изменить.

— У нас же свадьба у дочери... — говорю я вслух свои мысли.

И не просто свадьба.

Приглашены не только родственники и друзья, но и серьезные люди, с которыми сотрудничает Богдан и знакомство, с которыми будет полезно для Аркадия.

Эта свадьба — укрепление и по сути слияние двух семей.

Эта свадьба — куча денег, нервов, беготни и договоренностей.

Я могу закатить скандал, и что дальше?

Какая может быть свадьба после правды, если я ее решу вскрыть перед всеми родственниками, друзьями, знакомыми и теми, для кого эта свадьба — часть бизнеса?

Может быть, лет в восемнадцать мне бы хватило наглости, смелости и возмущения взорваться и устроить армагеддон,

но не сейчас.

Мне сорок. Я не девочка, и я должна осознавать все риски той ситуации, в которой я оказалась.

— Верно, Люба, у нашей дочери свадьба, — Богдан прищуривается, — и я думаю, что она ко всему прочему еще и в положении.

— Я не хочу и не буду с тобой после всего этого... — прикрываю ладонью глаза.

Кажется, опять давление скакнуло. Кровь пульсирует в висках:

— Господи, — тяну со стоном, — какое же ты чудовище... За что ты так со мной, с нами...

Мне не раз говорили, что мне очень повезло с мужем. Что Богдан из вымирающего вида мужчин: заботливый, внимательный, добрый, щедрый. О таких в книгах пишут, ведь они будут покруче принцев на белых конях.

Так говорила и сестра Богдана Иришка.

Она даже как-то в шутку обмолвилась, что я бессовестно украла у нее старшего брата и что она мне этого никогда не простит, пусть и понимает, что это глупо.

Я тогда посмеялась и в шутку попросила прощение, что я не виновата. Виновата любовь.

Любовь.

Правда ли виновата любовь?

Нам были такими зелеными. Только-только школу окончили. Конечно, сердце дико стучало от улыбок Богдана, от

его прикосновений и шепота, который звал посидеть в его комнате летним вечером... Родителей нет дома, младшая сестренка в лагере. Никто не помешает.

А лучше бы помешали.

Нет... нельзя такие мысли думать. Тогда бы у меня не было Светочки, а она у меня — солнышко любимое.

И по словам Иришки она больше на Богдана похожа, чем на меня. Как и Аркаша.

— Нашу породу сразу видно, — говорит она всегда, когда видит Светуську И Аркашу. — Наши... Наши!

А что бы она сказала про Доминику, м? Наша? Или нет?

— Твоя сестра знает? — смотрю на осколки стекла в луже воды у стола. — Знает, что ее подружка родила от тебя?

Глава 10. Все имеет свою цену

Мне сейчас кажется, что все вокруг знали, что Богдан крутил роман с Кристиной и родил с ней дочь.

Весь мир знал, а я в нем было слабоумной дурочкой, которая слепо любила мужа и верила, что ей невероятно повезло.

Да, семью рано завели, но зато какие мы счастливые.

Не испугались, и нашу семью можно было ставить в пример молодым и неопытным: вот смотрите, восемнадцатилетками вошли в брак и ни о чем не жалеем.

— Не должна, — неопределенно отвечает Богдан и опускается на стул.

Я бы тоже села, потому что у меня затекли ноги, но я не могу сесть, будто я жду удобного момента, когда смогу удрать от Богдана.

— Что значит не должна? — переспрашиваю я, глядя в его коротко стриженный затылок.

— То и значит.

И мрачно замолкает.

Я приподнимаю бровь, ожидая продолжения, и подумаю о том, чтобы выхватить из посудного шкафа парочку фарфоровых блюд, чтобы затем разбить их о голову Богдана.

Наверное, он хотел бы, чтобы я сейчас отстала от него и оставила в мужской печали, что его маленький секретик раскрыт.

— Знал только мой отец, — наконец выдыхает он. — Поэтому я и говорю, что Ирина не должна знать, но... — подпирает голову кулаком, — но, может быть, Кристина пыталась...

Я шумно выдыхаю.

Когда с губ Богдана срывается имя его потаскухи, меня накрывает злобой, потому что у него это выходит без интонаций вины или сожалений.

Он проговаривает имя легко, будто часто его называл.

— Если они перестали дружить...

— Их дружба накрылась одним местом до, Люба, а не после, — Мне кажется, я то я слышу, как Богдан в раздражении поскрипывает зубами. — Я повторю, — голос становится жестче. — Знал только мой отец.

— А еще водитель и твой помощник, — усмехаюсь.

Мой мозг пока не может переварить информацию, что свёкор знал о внучке и тоже молчал. И как молчал. Отлично играл хорошего дедушку, у которого весь смысл в Светочке и Аркаше.

Хотя изначально он был не очень доволен, что его старший сын в восемнадцать лет решил жениться и плюнул на его планы с учебой за океаном. Потом проникся, когда взял Свету на руки, и потеплел ко мне.

Я стала для него Любашей. Нашей Любашей: меня окончательно и бесповоротно приняли в семью Абрамовых.

— Архип и Паша умеют держать языки за зубами, — глу-

хо отвечает Богдан. — Но это уже не имеет никакого значения.

Со вздохом прижимает пальцы к вискам и медленно их массирует, а после смотрит на наручные часы, одернув рукав пиджака.

— Время, Люб. Вас со Светой ждут цветочки.

— Я в курсе, — несколько секунд молчу, а затем с тихой горечью продолжаю, — значит, ты к отцу пошел каяться, да? Не к жене, а к отцу.

— не вижу в этом проблемы, — пожимает плечами и не оглядывается на меня. — Он и о твоей беременности от меня тоже первым узнал.

Я задышаюсь от возмущения. Вот как? Поставил меня на один уровень с мерзавкой, которая спала с женатым парнем?

— Я не была любовницей! — я почти кричу.

— Но для моего отца ты все же была проблемой, — вот тут он разворачивается ко мне боком. Закидывает ногу на ногу. — Надо сказать, что уже Кристина его не так сильно удивила и возмутила, как мое решение жениться и послать его с Америкой в пешее эротическое.

— А лучше бы ты тогда был послушным сыночком и свалил! — рявкаю я.

— А тебя послал на аборт? — вскидывает бровь. — Даже не так. Послал на аборт и позволил бы отцу этот момент жестко проконтролировать. Да? О, не делай такие глаза, Люба, ты прекрасно знала, что мой отец был, мягко скажем,

недоволен нами.

Знала, конечно.

И я помню лицо Алексея Романовича на нашей свадьбе и то, что его тост за счастье молодых был самым коротким.

Лично он мне ничего не высказывал, но я чувствовала его разочарование, злость и недовольство сыном, которому удалось отстоять свое право быть со мной. Молодым и глупым.

— Тебе пора, Люба, — Богдан немного прищуривается. — Света будет тебя ждать, и она точно обидится, если ты решишь не прийти. Она стала более эмоциональной, ты не заметила? Это у нее от тебя, — взгляда не отводит, — тебя тоже на ранних сроках накрывало.

— Я хочу, чтобы ты ушел... Проваливай...

У меня отключается мозг под волной жалости к себе. Всклипываю:

— Уходи... Оставь меня...

В его кармане коротко вибрирует телефон, оповещающая о сообщении.

Богдан выхватывает телефон, мельком смотрит на экран и встает:

— Свет, ты умная женщина и должна все сама понимать, — прячет телефон обратно в карман. — Ты сейчас нужна нашей дочери, у которой впереди важное и красивое событие в жизни.

Имею ли я право испортить ее радость, ее предвкушение счастливой семейной жизни своими слезами и криками, что

ее отец, который должен будет станцевать с ней белый танец, обманщик и негодяй?

— Люб, — подходит ко мне и касается моего лица пальцами, — ты моя жена и, как ты сама любила говорить, жена — это не только любимая девочка, которой приятно покупать белую норковую шубку, но и партнер, который правильно оценивает риски.

Я задерживаю дыхание.

Говорила, да, но это не относилось к его связи на стороне и внебрачной дочери.

— И что еще? — задумывается ненадолго и говорит. — Что все имеет свою цену. Это и тебя сейчас тоже касается, и я надеюсь, что ты все же поедешь на встречу с флористом и вы со Светой наконец выберите эти чертовы цветы.

Глава 11. Я тебя очень прошу, Люба

— Как ты ловко уходишь сейчас от разговора, — семеню за Богданом. — И что? Едешь к дочурке и любимке на стороне?

Богдан разворачивается ко мне, и я пугаюсь его лица. Бледное, резкое, будто его голову грубо вытесали из мрамора, глаза горят, а на лбу венка пульсирует.

Отчитываюсь в страхе, что он может меня сейчас ударить, настолько от него на меня рвануло агрессией.

— У нас сейчас с тобой разговора не выйдет, — отрезает каждый слог, — ты это, что, не понимаешь? — повышает голос, — не видишь?

Вижу.

Вижу то, чего раньше не видела в Богдане. Злобный оскал белых ровных зубов, испарину на лбу.

— Я тебя очень прошу, Люба, сейчас пойти наверх, надеть какое-нибудь новое красивое платье, привести в порядок и поехать к нашей дочери, — выдыхает через нос, и его крылья носа с угрозой вздрагивают. Голос становится тише. — У тебя сейчас своя задача, а у меня своя.

Страх перед Богданом расплзается в груди черной паутиной, будто я вижу перед собой не любимого мужа, а врага.

Мой нос, видимо, улавливает в воздухе не только терпкий дорогой парфюм, но и запах ярости, которую Богдан плохо контролирует сейчас.

Похожее состояние у меня было, когда я в деревне у бабушки столкнулась с соседским быком. Он сбежал из загона, а я на полянке недалеко от коровника плету венок из одуванчиков.

Когда взбешенный бык появился у коровника, я тоже вся оцепенела и почуяла, что рогатый великан не расположен к дружбе и улыбкам. И что я сделала?

Я поняла, что бык не должен заметить меня, а иначе быть беде. Я медленно легла в высокую траву и замерла.

— Архипа оставлю, — Богдан разворачивается и шагает прочь размашисто и немного нервно, — и на твои вопросы он не будет отвечать, Люба.

— А ты? — шепотом спрашиваю я. — Ты-то сам ответишь?

Но Богдан то ли не слышит моего жалкого поскуливания, то ли игнорирует его. Он выходит из дома, а затем за окнами я вижу его тень, что быстро исчезает из поля моего зрения.

Тут не надо быть семи пядей во лбу, что понять: он поехал к Кристине и дочурке, откровенность которой не входила в планы Богдана.

А уж про мои планы совсем нечего говорить.

Я очухиваюсь от резкого болезненного толчка в животе перед кроватью, на которую я кидаю платя в тихой, но не

контролируемой истерики.

Смотрю на ворох одежды и отступаю от кровати.

Опять пинок от сыночка, который будто требует, чтобы мамка взяла себя в руки и не истерила.

— Тише, — прижимаю ладонь к животу.

Я лишена возможности собрать вещи и свалить в закат.

Богдан прав.

Надо трезво оценивать ситуацию, как бы ни было сейчас больно, обидно и противно.

Если бежать от быка, то он кинется за тобой.

Растопчет, поднимет на рога.

— Мам! — раздается голос Аркаши из коридора. — Ма!

Торопливо вытираю слезы с щек, придаю объем волосам пальцами и поправляю халат на груди.

Аркаша заглядывает в комнату без стука:

— Мам?

— А постучаться? — вкладываю в голос материнскую строгость и оглядываюсь. — Аркаш, ну сколько можно?

Цыкает, но исчезает. Стучит, выжидает несколько секунд и заходит:

— Зашел и не выгонишь теперь, — смеется, — и вообще, если надо, то можно запереться.

Переводит взгляд на мои вещи на кровати. Недоумение.

— Перебираю гардероб, — нахожу отмазку молниеносно, — часть на благотворительность отдам.

— О, блин, мне тоже надо от старого шмотья избавиться-

ся, — Аркаша садится на пуфик у косметического столика и протягивает ноги, глядя на меня, — а папа куда поехал? Он как шумахер выстрелил из ворот. Даже меня не заметил. В офис?

— Угу...

— Ясно, — разворачивается к зеркалу и тянется к моим баночкам, которые начинает переставлять и разглядывать.

— Аркаша? — обеспокоенно спрашиваю я. — Что-то случилось?

Что-то вытаскивает из кармана и ставит в центр столика, а после встает, подходит ко мне, целует в щеку и шагает к двери:

— Я пиццу закажу, а потом, как послушный мальчик, сяду за тетрадки и учебники, — тяжело вздыхает, — надоело... — оглядывается, — может, я тут останусь, а? С вами? До самой старости?

А после со зловещим смехом выходит. Перевожу взгляд на крошечного хрустального котенка на столике и прикусываю язык, чтобы не расплакаться. Аркаша часто притаскивает мне всякие красивые безделушки и дарит их вот так мимоходом. То поставит на кофеварку, то спрячет на полке, на которой стоит сахарница.

— Мам, — опять заглядывает в комнату, а я вся вздрагиваю, — а ты пиццу будешь? На тебя заказывать?

— Нет, я же... со Светой...

— Когда она уже выйдет замуж, а? Достала она уже со

всем этим, — фыркает Аркаша. — Я точно нажрись на ее свадьбе... — замолкает и с наигранным убеждением продолжает, — лимонадиком, конечно, лимонадиком, — смеется и через секунду говорит — кстати, скажи ей, что я отказываюсь танцевать с друзьями Андрюхи.

— Аркаш, — оглядываюсь.

Вижу, что он несерьезно. Конечно, он станцует, и я знаю, что перед сном он повторяет движения танца друзей жениха.

— Ладно, — исчезает за дверью, — я все понял по твоим глазам. Мне не отвертеться. О, Архип, привет. Чо рожа такая мрачная?

— Изжога разыгралась.

— О, сочувствую, — смеется Аркадий, — тогда ты сегодня без пиццы.

Проходит около минуты, прежде чем Архип тихо стучит в дверь:

— Любовь, вы готовы? Нам уже пора ехать, — переходит на почти шепот. — Богдан потребовал быть сегодня с вами.

Глава 12. Пусть папа поможет

Захожу в зал с высокими потолками и панорамными окнами. На белых стенах — узкие зеркальные вставки до самого потолка.

Солнечно и много воздуха, но мне все равно тяжело дышать.

Каждый выдох угрожает сорваться в рыдания.

— Мама, мамуля! — ко мне с криками кидается Света. Счастливая и румяная. — Пришла!

— Пришла, пришла, — отвечаю я. — Куда я бы делась...

Узкие джинсы, шифоновая желтая блузка и ботиночки на высоком каблуке. Красавица.

И я была раньше такой. Живой, яркой и счастливой.

Подбегает, обнимает меня, после кладёт руку на живот и замолкает, ожидая приветствия от младшего брата.

Несколько секунд, и он все же пинается. Немного лениво.

Света, как и в первый раз, округляет глаза, смеётся и наклоняется к моему животу с шёпотом:

— Привет, зайчик... Это Света, твоя старшая сестра. Узнал.

Новы пинок, и я закрываю глаза, задержав дыхание.

— Прости, — Света поднимает взгляд и неловко улыбается.

— Все в порядке, — выдыхаю через нос. — С приветстви-

ями закончили?

Света с готовностью выпрямляется, берет меня за руку и ведёт к длинному и широкому столу, на котором разложены десятки сортов роз: разные оттенки белого, мелкие, крупные.

До меня доходит волна сладкого и густого аромата.

— Готова? — заговорщически шепчет мне на ухо Света.

Я неопределённо хмыкаю, стараюсь подключиться к моменту со Светой и уйти от мысли о Богдане и его внебрачной дочери.

Сейчас для меня важной должна быть только моя дочка.

Света усаживает меня в одно из кресел у стола, поправляет под поясницей подушечку и обнимает со спины. Прижимается щекой к плечу и с тихой благодарностью говорит:

— Я тебя, наверное, достала.

— Вовсе нет, — слабо улыбаюсь.

Через несколько минут к нам выходят милая блондинка-флористка, которую Света сразу берет в оборот вопросами и сомнениями нерешительной невесты.

Я с усилием воли пытаюсь остаться в потоке их разговора о том, какие арки поставить, какие букеты оформить, какую фотозону организовать для гостей, но я все равно мыслями возвращаюсь к Богдану и к вопросу — как так получилось?

Я не вижу никакой разницы в розах, что разложены на столе. Да, некоторые крупнее, но по цвету они все для меня одинаковые.

Но Света внимательно разглядывает каждый цветок, при-
нюхивается, а после рассматривает страницы каталогов с ти-
хими расспросами, а я лишь киваю и иногда соглашаюсь с
ней, что, например, у этого сорта бутоны мелковаты, а у того
— листья слишком крупные.

— Мам, — Света откладывает очередную розу, плюхает-
ся в кресло рядом со мной и накрывает лицо. — Блин, я не
могу... Не знаю, какие выбрать.

— Ты хотела молочные розы, — вздыхаю.

— Да, но какие?! — указывает рукой на ворох роз перед
собой, а затем она делает глубокий выдох, сжимает кулаки.

После твёрдо встаёт на ноги, вновь подходит к столу.
Оглядывает розы и зло подбоченивается, будто они в чем-то
перед ней провинились.

Хмурится. Флористка по другую сторону стола в ожида-
нии замирает, спрятав руки за спину

— А пусть папа скажет, — Света решительно оглядыва-
ется на меня, а у меня сердце катится, подпрыгивая, в пятки.
— Он же мне угрожал, что если я не выберу, то он сам...

— Светусь, — перебиваю я ее и напряженно сглатываю,
— давай выпьем чаю и вернемся к розам. Сами справимся.

— Он тебе всегда такие красивые букеты дарил, — Све-
та выуживает телефон из кармана, — у него есть чуйка на
цветы.

— Да они все красивые, — неуверенно возражаю я. —
Любые бери, и тебе сделают красиво...

— Папа не отвертится, — касается экрана. — Ишь, решил отсидеться в сторонке. Нет, — усмехается, — все будут страдать. Кроме Аркаши, — переводит на меня взгляд. — Я и так знаю, что Аркаша выберет. Кактусы. И мухоловки, — смеется и прикладывает телефон к уху, взволнованно покусывая нижнюю губу. — Гудок пошел...

Черт.

Может быть, в Свете сейчас говорит ее дочерняя чуйка, которая требует участия и любви отца, но тот ведь отправился по “очень важным” делам.

Ответит ли он сейчас?

И приедет ли, если Света попросит его об этом?

Глава 13. Как мама?

— Да, милая? — раздается голос Богдана.

Прикусываю кончик языка, но не дергаюсь. Я как-то упустила тот момент, когда Света поставила звоно Богдану на громкую связь.

Да, я точно немножко потеряна в пространстве и времени.

— Пааап, — Света тянет, — ты опять будешь ворчать...

— Мама пришла? — Богдан перебивает Свету.

У меня сердце пропускает удар.

И странный вопрос.

Ему разве Архип не отчитался, что привез меня? Или он побоялся, что я после того, как вошла в здание где-то потерялась среди коридоров, этаже и лифтов?

Сбежала?

— Да, — Света кивает, — сидит. Бледная чуток, — переводит на меня взгляд и смеется, — и ты боишься, что мама под предлогом нашей встречи побежала к какому-нибудь молодому красавчику?

Я недоуменно приподнимаю брови и медленно моргаю. Богдан на той стороне издает короткий смешок, в котором я не могу различить его реальных эмоций и что у него сейчас в мыслях.

— Нет, она со мной, — Света вздыхает. — И я ее явно достала, вот звоню тебе понадоедать.

— Цветы так и не выбрали?

Когда он скажет Свете, что невероятно занять и что перезвонит, когда освободится. А еще я жду криков его внебрачной дочери, которая выдаст свое присутствие.

Где он сейчас?

Сжимаю подлокотники кресла до побелевших костяшек.

— Я не могу выбрать, — Света обходит стол и подхватывает веточку с мелкими розочками, — паааа... может, ты нам поможешь, а? У тебя есть вкус, — подносит розочки к носу, — приезжай, а...

Вот он момент истины.

Как выкрутится?

Как отмажется?

Как солжет?

— Я сейчас на объекте, Свет, — спокойно отвечает Богдан, и я бы ни за что в жизни не догадалась, что он чем-то обеспокоен или встревожен, — так...

— Ну паааа...

Света не сдается, а я жду чем же все это кончится.

Внутри все сочится черной обидой и ревностью. Да, поэтому женщины и убегают от мужчин, когда узнают об изменах.

В этой беготне эмоции — острые, громкие, сильные, и они освобождают душу, а сию в кресле и тону.

И мне не позволено даже кричать.

— Так, — повторяет Богдан. — Бери маму и пообедайте.

Я уверен, что она опять забыла.

Вот козел.

Отлично сыграно. Ловко.

— Ты сама обедала, Свет?

— Нет, — поджигает губы и бубнит, как маленькая девочка, — забегалась.

— Давайте на обед, — командует Богдан, — а я подъеду через пару часов, если без меня совсем никак, а это, похоже, именно так, да?

Света смущается, откладывает веточку с мелкими розами и приваливается к столу:

— Да, придешь и стукнешь по столу, что берем все розы и пусть сделают красиво.

— Так и будет, Свет, — голос Богдана становится строже. — Ну, сколько можно?

— Вот мне и надо, чтобы ты стукнул по столу, пап, — Света вздыхает и переходит почти на шепот. — Я тоже... устала, а выбрать не могу... Понимаешь? Этого не объяснить...

Замечаю в ее глазах искорки слез. Прижимает пальцы к носу, чтобы сдержать себя.

Точно беременная.

Эмоции дочу слишком остро простреливают, и в самые внезапные моменты.

— Эти цветы меня уже бесят, — шумно выдыхает и крепко зажмуривается, — может, нафиг их? Будем без цветов!

— Марш обедать, — еще строже отзывается Богдан, — и

все по правилам, первое, второе, десерт и чайник травяного чая с медом.

Узнаю в его голосе те нотки, которые вибрировали в его голосе, когда я рыдала у него на плече после признания, что беременная:

— Люба, справимся. Ты и я — не дураки, ноги и руки есть. Здоровые. И что ты реवेशь? Будем папой и мамой и точка.

Сердце щемит тоской по прошлому, в котором Богдан и я — молодые, глупые и очень смелые в уверенности, что мы справимся.

Справились?

Может, лучше бы он тогда послушался отца, который бы все взял в свои руки... Нет. Прижимаю ладонь к щеке. Тогда бы не было Светы. Не было Аркаши.

— Как принято, Света?

— Пойти плотно и хорошо пообедать...

— И с удовольствием, — четко проговаривает каждый слог.

Сынок пинается в животе, будто хочет поздороваться с папой, который задает обычный вопрос, но я в нем слышу намек и угрозу:

— Как там мама? Держится?

Глава 14. Я папе пожелаюсь

— Я папе пожелаюсь, что ты плохо ешь.

Нет, я чувствую голод, но кусок в горло не лезет, и глотаю я через силу.

А вот Света с большим аппетитом уминает стейк средней прожарки и с подозрительным удовольствием ест горчицу, которую раньше терпеть не могла.

Мажет толстым слоем на мясо. Не стесняется и не боится.

Когда она планирует нам сказать, что я и Богдан станем бабушкой и дедушкой?

Готовит сюрприз на свадьбе или уже после свадьбы нас обрадует?

— Сами-то мы не додумались пойти и пообедать, — Света слизывает горчицу с вилки и смеется.

Мне хочется расплакаться.

Вот прямо театрально выдернуть несколько салфеток из салфетницы и заплакать с тихой исповедью, что наша семья разваливается, но я себе потом этого не прощу.

Света сейчас светится мягким счастьем, и я не могу позволить стереть с ее лица улыбку и заглушить ее смех жестокой правдой.

— На и тебе горчички, — Света переваливается через стол и выкладывает мне на тарелку рядом с фрикадельками ложку желтой горчицы, — она такая вкусная, блин. Попро-

буй. Никогда такую горчицу не ела.

Горчица как горчица.

Ничего особенного. Остренькая, да, но я бы не сказала, что это самая вкусная на свете горчица.

Зато я могу пустить слезу под оправданием, что горчица — злая.

— Да ладно тебе, она же не острая...

Это была плохая идея позволить себя пустить слезу, потому что за ней следуют всхлипы и новые слезы, которые я торопливо вытираю салфеткой.

— Мам? Мам, ты чего?

У меня вздрагивают плечи.

Прикусываю кончик языка до острой боли, что простреливает к глотке. Нет, я не скажу.

Не имею права, как мать, портить дочери эти несколько недель скандалами, дразгами, слезами и истериками.

— Я вспомнила кое-что...

Надо срочно придумать что-то, во что Света поверить.

— Помнишь... помнишь, как вы с Аркашей сделали нам с папой завтрак? — прижимаю салфетки к глазам, — овсянка и бутерброды с колбасой, вареньем, горчицей, майонезом, яйцами...

Света тоже всхлипывает.

Тоже выхватывает салфетки из салфетницы:

— Помню, — шепчет она, — горчицу налил Аркаша, а я против была... Мы чуть не передрались там...

Сработало.

Но легче мне не стало.

Новое воспоминание прошло по моему сердцу острым краем бумаги, ведь у него уже тогда была внебрачная дочь, а он...

Он с поцелуями будил меня, щекотал и шептал:

— Просыпайся, соня-засоня... — чмок в ухо, — мне тут из-за двери серьезно поугрожали, что нам приготовят завтрак.

— Да ну? — не поверила я.

— Да, представляешь, — рука нырнула под одеяло и поглаживала мое бедро, — выросли детки...

Света откладывает скомканную и влажную салфетку в сторону и сердито смотрит на меня:

— Все, хватит. Успокоились.

Торопливо вытираю слезы с щек и делаю глубокий вдох.

Продолжаем обед, а после нас ждет небольшая передышка, и мы заказываем десерт и чай, который я тоже силком в себя заливаю.

В кафе людей немного.

Кафк почти пустое, а мы сели у окна в конце зала. Иногда я выпадаю из реальности, разглядывая абстрактные картины на стенах у барной стойки. В голове только один вопрос:

Почему?

Делаю глоток ромашкового чая и замечаю, как на парковку перед кафе заезжает гелик Богдана.

— Мы, что, тут уже два часа? — спрашиваю я.

— Даже чуть больше, — бубнит Света, запихивая в себя ложку с куском торта. — Блин, торт тоже классный, — придвигает мне тарелку с бисквитным десертом, — попробуй. Чистый кайф.

Я рассеянно киваю и вновь перевожу взгляд на машину Богдана, крепко стискиваю в руках чашку чая.

Богдан энергично выскакивает из авто, придерживая у уха телефон. Хмурится, что-то наговаривая в смартфон мрачной рожей. Одергивает пиджак.

— О, папа, приехал, — Света погружает ложку в торт, — злой какой-то.

Прячет телефон в карман. Мы его не слышим, но мне кажется, что я чувствую его разъяренный рык в груди.

Я жду, что он сейчас пнет колесо, но он затягивает галстук и широким шагом направляется к крыльцу кафе.

Света вскидывает руку, привлекая внимание молодой рыженькой официантке:

— А можно еще одну чашку для чая? И давайте еще... ммм... кусочек шоколадного счастья, — косится на меня и шепчет, — надо папу задобрить.

Глава 15. Ты не дура, Люб

Обреченно наблюдаю, как Богдан входит в двери кафе. Высокий, широкоплечий и строгий. Бариста у кофемашины с его появлением даже втягивает голову в плечи, будто не хочет, чтобы его заметили.

А официант у двери с подносом в руках отступает с его пути с тихим и напряженным:

— Здравствуйте.

сейчас я смотрю на мужа, как не на родного и близкого человека, в котором вижу любовь и нежность.

Я смотрю на него сейчас, как на чужого человека. Как на незнакомца.

Мы же с ним выросли, и я упускала из вида, что он такой большой, высокий и мрачный. С тяжелым взглядом и размашистым напряженным шагом.

И во мне вспыхивает искорка страха, потому что я сейчас вижу моего мужа без идеализации влюбленной дурочки, которая воспринимала своего мужа сначала как любимого мальчика, а потом как сытого домашнего и ласкового котика

Нифига он не котик. И давно уже не мальчик.

Только я как-то упустила этот момент.

— Пап! — Света оглядывается и поднимает руку. — Мы тут!

Богдан кивает в ответ.

С каждым новым его шагом я все больше хочу вскочить с диванчика, обитого мягким велюром, и бежать без оглядки. Но я не бегу.

Я делаю глоток остывшего чая, а Богдан уже у нашего столика.

— Привет, моя хорошая, — наклоняется к Свете и целует ее в щеку, а после отстраняется и настороженно всматривается в заплаканные глаза.

Хмурится.

— Ты плакала?

На виске тут же проступает пульсирующая венка.

— Да, — Света шмыгает, — мама довела.

Богдан кидает на меня напряженный взгляд, и я в нем успеваю уловить вспышку гнева, которая быстро тухнет.

Он же не идиот. Если бы я все разболтала, то разговор с дочерью прошел иначе.

— Помнишь, как мы с Аркашей вам завтрак готовили?

У меня опять сердце сжимается и не разжимается обратно, будто застыло перед громким ударом.

Богдан вновь смотрит на Свету и шепчет:

— То королевский бутерброд?

— Да, — по щеке Светы катится слеза, а я задерживаю дыхание.

— Помню, — Богдан смахивает слезу с щеки Светы, — конечно, помню, — целует в лоб. Задерживает губы на ее коже, на пару секунд прикрыв глаза.

Какой любящий отец. Смотрю на его игру, и почти верю в нее, потому внутри все переворачивается от тоски по прошлому, в котором я была счастлива.

— Все, я успокилась, — сипит Света.

Я жду, что Богдан сядет со Светой, но он опускается на диван рядом со мной. Мягко приобнимает и целует в висок.

Когда его теплые и сухие губы касаются меня, я на мгновение будто обращаюсь в камень, который затем идет глубокими трещинам отвращения и злобы.

Как он смеет?

— Привет, милая, — его шепот обжигает ухо, а терпкий древесный парфюм душит. — Как ты себя чувствуешь?

Он все еще обнимает меня, и я чувствую тепло его тела. Нет. Я бы сказала, что я чувствую жар его тела.

— Хорошо, — сдавленно отвечаю я и затем разворачиваюсь к нему, чтобы заглянуть в его лживые глаза, — а ты как?

Может, сыграть в его игру, чтобы узнать, какой он на самом деле?

Да и выбора у меня сейчас нет.

Пинок. Кладу руку на живот, и Богдан накрывает мою ладонь своей. Взгляда не отводит, мерзавец.

Он в этой игре годами, а я всего пару часов. Есть ли у меня шанс не то, чтобы выиграть, а хотя сохранить свой разум в целости?

— Как обычно, — тихо отвечает, а у меня от его голоса мороз по коже, — проблемы, но... — делает небольшую па-

узу, немного щурится, — все решаемо. Нервы, конечно, подергали, но я сейчас тут, и остальное, — делает акцент на последнем слове, — неважно.

Его ладонь — тяжелая.

— Блин... — Света с обеспокоенным шепотом вскакивает, прижимает салфетку губам, — блин... — бежит прочь, — я в уборную!

О, нет.

Я не хочу оказать наедине с Богданом, который обхватывает мое запястья и мягко его сжимает, продолжая изучающе и пытливо всматриваться в мои глаза.

Я чувствую себя кроликом в силках.

Улыбается лишь уголками губ и говорит:

— Правильное решение, Люба. Все же ты не дура.

Глава 16. Преодолеем

Я не могу оторвать взгляд от Богдана. Его наглость и уверенность в собственной безнаказанности завораживают меня.

В его самонадеянности и мужской заносчивости есть что-то очаровательное и гипнотическое, как в огромном хищнике, который лениво щурит на тебя глаза.

Он улыбается, а меня будто парализовало от укуса смертельно ядовитой змеи. Кажется, сделаю вдох — и умру.

Передо мной сидит не мой любимый муж, который по вечерам заваривал мне травяной чай и читал вслух смешные короткие истории из интернета.

Передо мной — враг.

Богдан продолжает мягко сжимать моё запястье. Я замечаю, как расширяются его зрачки.

Он не моргает, всматривается в мои глаза.

— Пусти, — шепчу я.

Меня будто от макушки до копчика пронзает тонкая холодная игла женского страха.

Я понимаю, что мой муж-лжец сейчас возбуждён.

Волоски на руках встают дыбом от осознания, что в кровь Богдана выплеснулось вожделение ко мне. Это шокирует и пугает.

Я узнала о его женщине на стороне, о его дочери, а он

сейчас сидит, поглаживает моё запястье большим пальцем с лёгким нажимом, немного прищурившись, будто любит меня мной.

Я обескуражена до немоты.

— Ты хорошо выглядишь, — шепчет с хрипотцой Богдан и опускает взгляд на моё декольте. Задерживает на нем взгляд на несколько секунд и вновь поднимает глаза. — Это платье тебе идёт.

Я так широко распахиваю глаза от недоумения, что мои веки могут выпрыгнуть на Богдана. Мне не показалось. Он хочет меня. Я узнаю эту легкую и чуточку пьяную улыбку, которая меня сама всегда вводила в какой-то теплый транс.

— Что ты несёшь? — тихо спрашиваю я. — Ты в своём уме?

Я сглатываю и выдыхаю через полуоткрытые губы, на которые Богдан тут же опускает темный взгляд.

Он не в себе.

У него совсем крыша поехала с этой двойной жизнью, в которой он был с двумя женщинами.

— Я о тебе сегодня узнала правду, — запинаясь, мой голос дрожит, на глазах выступают слёзы. — Богдан, — пытаюсь выдернуть руку, но он резко сжимает в тисках пальцев, —пусти...

Он усмехается в ответ, подаётся в мою сторону. Оказывается так близко, что я чувствую его дыхание на губах. Продолжает всматриваться в мои глаза и шепчет:

— Но это не отменяет того, что ты у меня самая красивая.
Он всегда так говорил.

Когда мы только начали встречаться.

Когда поженились.

Когда прожили несколько лет...

И даже после двадцати лет я всегда для него была самой красивой, и он не уставал это повторять.

И я верила.

Я смущалась, и таяла от его шепота, а после наслаждалась поцелуями.

А сейчас я сижу, оцепенев от растерянности и ужаса перед мужским эгоизмом и чувством превосходства над слабой женщиной, вынужденной проглотить язык в желании защитить детей.

— Что ты за чудовище? — мой голос дрожит от слёз.

— Всего лишь твой муж, — ухмыляется Богдан и касается кончиком носа моего. Я резко отшатываюсь, но он успевает нырнуть рукой под мой затылок и удержать меня близко к себе.

Где раскаяние?

Где вина?

Где сожаление?

Или все эти слова не про Богдана?

— Пусти, — в отчаянии повторяю я и начинаю дрожать.

— Милая, — улыбается он и переходит на тихий голос, в котором я слышу холодную сталь, — мы всё преодолеем,

верно?

Богдан будто живет в своей параллельной реальности, в которой дочь на стороне и другая женщина — глупая мелочь, и мне не стоит из-за этого мелкого недоразумения нервничать.

— Преодолеем? — повторяю я.

Богдан кивает и вновь щурится напряженным зверем, который в любой момент может кинуться в атаку:

— Преодолеем. Потому что у нас нет выбора. Потому что ты, — отпускает мою руку и смахивает слезу с щеки, удерживая мою голову за затылок. Кладет ладонь на живот, и его изнутри приветствует сильный и энергичный пинок, — потому что ты скоро родишь мне второго сына.

Глава 17. Все эти годы были зря

Да, я рожу Богдану третьего ребенка, и этого уже изменить, потому что мне не вернуться в прошлое и не отказать ему в близости после бокала белого вина и ужина, который он приготовил для нас двоих.

Он был обворожителен, в черном фартуке поверх белоснежной рубашки и брюк. А как он управлялся с ножом и овощами...

Очаровательный лживый мерзавец.

Громкий скандал со слезами и криками не позволил бы мне вот так сейчас рассматривать темные грани моего мужа, который вновь смахивает с моих щек слезы:

— Милая моя...

— Не твоя...

— А чья? — улыбается.

— Ничья, — шепчу я. — Мы не будем вместе, Богдан...

После такого...

К столу подплывает официантка, и я замолкаю. Дожидаюсь, когда она поставит на стол третью пустую чашку для чая и блюдец с кусочком шоколадного торта.

Собирает грязные салфетки.

Мы с Богданом продолжаем смотреть друг другу в глаза.

Я с тихим вызовом, а он — с ласковой угрозой, которая подобна петле на шее. Резко дернешься, и она затянется.

— Вы не желаете... — начинает официантка.

— Не желаем, — строго чеканит Богдан.

Девчушка глаза тупит, неловко и испуганно пробормотав:

— Извините.

Торопливо уходит.

— Не будет скандала, — заявляю я. — Ты его не достоин.

Богдан вскидывает бровь.

— Да, именно не достоин, — продолжаю и взгляда не отвожу. — Это все от любви и от обманутых чувств, а я...

Богдан немного клонит голову на бок и прищуривается. Ему любопытно, что я скажу в оправдание того, почему я не позволяю разразиться себе криками.

— А я принимаю тебя вот таким... мерзавцем, — пожимаю плечами и тоже щурюсь в ответ, — без стыда и совести. Принимаю и нет смысла тратить на тебя свою душу. Я на поздних сроках, у меня дочь выходит замуж, сын поступает в университет. Они имеют смысл, а ты... нет... больше ты не имеешь смысла...

— Любопытно.

Он понимает, что я хорохорюсь.

Он знает, что мне сейчас страшно и тошно.

И он осознает, что я в ловушке, которую я не смогу сама разрушить. Я не позволю самой себе из нее выбраться, ведь моя смелость и решительность обернется для многих трагедией и слезами.

— Если в тебе осталась хоть капля достоинства, то мы ти-

хо разведемся, — шепчу я и боюсь моргнуть, будто прикрыв на мгновение веки, я потеряю и эти крохи отчаянно решительности. — Да, нашу дочь ждет свадьба, но после... после мы...

— Не говори глупостей.

Я замолкаю на несколько обескураженных секунд.

— Ты настолько уверен в себе, — наконец говорю я.

— Может, это таблетки виноваты? — насмешливо пожимает плечами и вновь наклоняется ко мне, — Люб, — касается моего подбородка, — ты на что надеешься, когда говоришь о разводе?

Надеюсь, конечно, я на сказку, в которой Богдан после развода исчезнет из моей жизни, будто его и не было.

— Допустим, — мягко сжимает мой подбородок в пальцах, — мы, как ты сказала, мирно и тихо развелись, а что дальше? Ты гордая ушла за горизонт с моим сыном, м?

Да кто же мне позволит.

Вот почему он был так активно за третью беременность.

Чтобы я вновь была слабой и уязвимой.

— Никакой развод не отменит того, — он так близко, что я вижу узор его радужки, а его рука опять на моем животе, — что я отец. И это не во мне много самоуверенности, а в тебе.

Боковым зрением вижу, что в зал кафе из закутка выныривает бледная Светлана и семенит к нам, прижав салфетку к губам.

Цепенею, когда Богдан касается в легком поцелует уголка

моего рта:

— Давай не будем пороть горячку, — затем его губ почти касаются моего уха, — не в деньгах и имуществе дело, а в том, что я тогда сделал важный выбор быть с тобой и сейчас я отстаиваю этот выбор, Люба, ведь иначе тогда все было зря. Все эти годы были зря.

Глава 18. Поеду к твоему папе

— Убираем из всех этих самые вонючки, — заявляет Богдан, стоя перед столом с розами, которые флористы успели заменить на свежие. — А из остального делаем красиво.

Переводит взгляд на девушку-флористку и немного щурится:

— Справитесь?

— Так... Эмм... — она убирает со стола один сорт роз за другим, — вот эти пахучие, и эти...

— Ты мой вопрос не услышала? — строго спрашивает Богдан, и флористка испуганно замирает.

— Услышала. Да, мы сделаем все красиво, — медленно кивает.

Теперь Богдан разворачивается к нам. Света усиленно рассасывает карамельку. Немного причмокивает.

Интересно, сколько она еще будет скрывать свое интересное положение?

— Это было несложно, — говорит Богдан. — Правда?

Тебе было и несложно нам врать столько лет, так что цветы — для тебя ерунда ерундовая.

Сколько ты мне их передарил, м?

— Свет, я приехал, — в зал вбегает Андрей. — Что-то случилось?

— Я просто соскучилась...

Света встает, со слезами семенит к недоуменному Андрею и вешается ему на шею, громко всхлипывая.

Андрей — красивый парень. Высокий, с правильными чертами лица, в котором еще нет мужицкой суровости прожитых лет. Свете двадцать один, а ему — двадцать два.

Тоже ранний брак, но я, помня о том, как восприняли наше с Богданом решение пожениться, не стала фыркать.

Ведь я думала, что у меня в семье все хорошо и что ранние браки тоже могут быть очень крепкими и счастливыми.

— Добрый день, Богдан, — Андрей здоровается с моим мужем, приобняв Свету, — точно ничего не случилось?

— Привыкай к женским эмоциям, — как-то опечаленно вздыхает Богдан и пробегает пальцами по одному из белых бутонов, и оглядывается на Андрея, — как отец?

— Мама его затерроризировала, — тот в ответ смеется, — все никак платье выбрать на свадьбу не может, — переводит на меня взгляд и заговорщическим шепотом поясняет, — она с вами, Люба, соревнуется. Хочет вас затмить.

Я лишь немного скидываю бровь.

— А ты будешь мою маму мамой называть? — Света отстраняется и заглядывает в недоуменное лицо будущего мужа. — А то твоя мама ждет, что я ее буду мамой называть...

Боковым зрением замечаю, что Богдан выуживает из кармана брюк смартфон, а потом сосредоточенно хмурится на него.

Я та самая жена, которая никогда не заглядывала в теле-

фон мужа без его присутствия и не видела ничего сомнительного в том, что ему постоянно звонят и пишут.

Он же деловой человек. К чему ревность?

Я была в нем уверена, как в самой себе.

Дура.

— Цветы выбрали, — я поднимаюсь на ноги, придерживая живот, — папа дал указания, чтобы все было красиво... — поправляю шелковый шарфик на шее, — и мы можем вас оставить, — делаю один спасительный шаг к выходу, — и мамой меня не надо называть. Я такое не люблю.

— Я тоже, — Света с вызовом смотрит на Андрея, — у меня уже есть мама, и вторая мне не нужна.

— Да я в первый раз это слышу, Свет... Я, вообще, не в курсе...

— Я тебя предупредила. Па, вы домой? — Света оборачивается на Богдана, который с мрачной рожей прячет телефон в карман.

И вот так он жил все эти годы? Что это за жизнь такая была, в которой ты ни с одной женщиной полностью не вовлекаешься в заботы и тревоги?

— Мама домой, а я...

— Мама, — перебиваю я Богдана, который удивленно приподнимает бровь. Взгляда не отвожу, — мама к дедушке Алексею, — я тоже выуживаю из сумки смартфон, — он просил заехать к нему на днях, чтобы поболтать.

Алексей — это мой свекр, и в прошлом телефонном звон-

ке, который был с моей стороны лишь вежливостью, он повздыхал, что было бы неплохо перед свадьбой любимой внучки вживую встретиться и поболтать, а то я... какая-то отстраненная стала. Он же волнуется.

— Выпьем чаю, — прикладывая к уху телефон, не спуская взгляда с Богдана. Если он не дает мне ответов, то пусть это сделает его отец, — а то я, правда, с твоим отцом как-то холодна.

Гудки обрываются низким голосом свекра:

— Слушаю, Любаш, — рывкает на кого-то, — да осторожно вы! Меня жена живьем сожрет, если вы эту вазу разобьете! Аккуратно! Вот так... Поставили и ушли быстро! — понижает голос до приветливой мягкости, — извини, Любаш. Мне Катюша решила в кабинет купить новую вазу, а то у меня тут как в морге.

— О, я бы на нее с удовольствием посмотрела, — беззаботно отвечаю я, продолжая буравить недобрым взглядом Богдана, который поднимает бровь выше. — Вы не против? Я сейчас приеду.

— Как я могу быть против? Приезжай, вместе полюбуемся на мою новую вазу.

Глава 19. Не на тебе

Богдан распахивает входную стеклянную дверь, и я торопливо выхожу на улицу. Меня от густого и сладкого запаха роз начало уже подташнивать.

— До свидания, — летит в спину голос моего будущего зятя, который затем переходит на шепот, — у меня есть одна идея...

Света кокетливо смеется, фыркает и что-то в ответ шепчет, но я уже не слышу. Да и не мое дело. У будущих мужи и жены сейчас время такое: игривое, страстное и сладкое.

На крыльце я ускоряюсь, но Богдан все же нагоняет меня и успевает взять меня под руку, когда я заносу ногу, чтобы спуститься на одну ступень.

— Не в твоём положении так скакать, милая, — заявляет он и крепко держит меня под локоть. — Осторожно.

— Пусти...

— Тут ступеньки крутые.

Какой заботливый у меня муж, но и раньше он тоже всегда вел себя как истинный джентльмен: дверь откроет, стул придвинет, поможет надеть или снять верхнюю одежду.

Но такой он был только со мной, со своей мамой и нашей Светой, а с остальными женщинами он всегда держал себя холодно и отстраненно. Не кидался ручки целовать или накидывать на плечи пальто.

— Что, поедешь со мной к отцу? — ехидно спрашиваю я. — Чтобы проконтролировать наш разговор? Чтобы твой отец не наговорил лишнего?

— Я думал, что стоит сопроводить тебя и закрыть от возможной агрессии с его стороны... — Богдан смотрит перед собой. Затем он хмыкает и переводит на меня снисходительный взгляд, — но ты же уже девочка взрослая, да?

А он прав.

С чего я вдруг решила, что свекр внезапно скажет что-то против сына, которого покрывал все эти годы?

— Но если я тебе нужен, — Богдан продолжает ухмыляться, — то я могу побыть с тобой.

Мое общение со свекром всегда проходило в присутствии Богдана, потому что мне было очень некомфортно быть наедине с его отцом.

Я же знала, что он меня недолюбливал в начале наших отношений, поэтому я так и не смогла проникнуться доверием и поэтому всегда просила Богдана быть рядом. Быть моим защитником в беседах с тем, кто был однажды против меня.

— Да, я взрослая девочка, — пытаюсь вырвать локоть, но мне не удастся этого сделать, потому что хватка у Богдана пусть и мягкая, но крепкая. Я как мышь в лапах кота. Поднимаю взгляд. — И вот как? Твой отец будет со мной агрессивен?

— Ты меня умиляешь, Люб, — Богдан шагает плавно и твердо, — столько лет в нашей семье, а ты до сих пор не

понимаешь, что за человек мой отец.

— Да я не в курсе кто ты на самом деле...

— О том и речь, — на тротуаре перед парковочной линией он резко разворачивается ко мне и сжимает мои плечи, цепко вглядываясь в глаза, — я просто тебя сразу предупрежу, моя милая, тебе не понравится разговор с моим отцом.

Я с вызовом приподнимаю подбородок.

Он запугивает меня, потому что не хочет, чтобы всплыли неприятные подробности из его тайной от меня жизни?

— И ты не получишь от этого разговора то, чего ждешь, — Богдан с угрозой шурится. — но... я же не могу тебя приковать к батарее цепями, верно?

Вот какие у него в голове мысли бродят.

Тошнота усиливается ядовитым уколом страха. Между лопаток пробегает озноб.

— Хотя, может быть, тебя запереть до свадьбы? — Богдан наклоняется ко мне и внимательнее всматривается в глаза. — Например, в частной клинике и отдельной палате под охраной на сохранении, м?

Я аж задерживаю дыхание. Кончики пальцев дрожат.

— Я шучу, милая, — он касается моего подбородка и холодно улыбается уголками рта, — хотя ты всегда говорила, что я не умею шутить, да? — поправляет ворот моей блузки. — Папе привет передавай.

Мне не сбежать, и Богдан очень прозрачной шуткой намекнул, что жестко возьмется за меня, если будет мной недо-

волен.

— Ты не посмеешь... — выдыхаю я.

— А я думаю, — наклоняется ко мне, — что я сейчас многое посмею и позволю себе, Люба, — скользит взглядом по лицу и вновь всматривается в глаза. — Я не против того, чтобы ты побеседовала с моим отцом. И, Люба, — опять кладет руку на живот, — и если бы я его боялся, то меня бы женили на другой, — чувствую под его рукой толчок, — совсем не на тебе.

Глава 20. Зачем ты мне это сказал?

Конечно, я подозревала, что такому замечательному и перспективному Богдаше папа искал невесту, наверное, чуть ли не с пеленок.

Он же явно расписал всю его жизнь по годам и даже по десятилетиям, но тут я, соседская девчонка, испортила все планы.

Залетела, мелкая гадина, и весь проект под кодовым названием “идеальный сын” был бессовестно уничтожен его же сыном, который уперся рогом: “я женюсь и точка”.

Это, конечно, до сегодняшнего дня было трогательно и мило, но теперь я вижу в решении Богдана быть со мной, как с женой, не его любовь, а желание насолить отцу-самодуру, который планировал его женить после учебы за границей, но... на ком?

— Но и не на Кристине он бы тебя женил, — клоочу я, в злобе вглядываясь в лицо самодовольного мерзавца-мужа.
— На ком?

Я не могу рационально оправдать это желание выяснить, кого мой свекр готовил в жены Богдану.

Наверное, пора признаться, что неодобрение свекра меня, восемнадцатилетнюю девчонку, сильно ранило и обидело. Поэтому мне, пусть и больно, но любопытно узнать, на ком хотели женить Богдана.

Я, как и любая другая, хотела бы, чтобы меня приняли в семью мужа с радостью, теплом и любовью, но моей беременностью никто не был рад.

Кроме Богдана, и то я сейчас сомневаюсь в его искренности.

Может, он и в восемнадцать лет был продуманным говнюком, который хотел уйти из-под власти отца, а меня он просто использовал.

Хотя... кто же так целует нелюбимую невесту? Кто так шепчет на ухо, что мы справимся и что не надо плакать, ведь мы есть друг у друга.

Не сходится. Ничего не сходится, и я ничего не понимаю.

— Разве сейчас это имеет значение? — спрашивает Богдан, с легким пренебрежением вскинув бровь.

— Тогда зачем ты мне об этом сказал? Что бы что? — повышаю я голос. — Чтобы унижить меня?!

В следующее мгновение он сгребает меня в охапку и крепко прижимает к себе. Уткнувшись в его грудь лицом, я от его терпкого и густого парфюма теряю связь с реальностью на несколько секунд.

А еще меня обдаёт жаром женской растерянности от его внезапных удушающих объятий, в которых я чувствую свою слабость и уязвимость перед ним.

Что это?

Прилив чувства внезапной вины перед беременной женой?

Замираю, когда он прижимается горячей щекой к моей макушке и задерживаю дыхание.

— Вот и ты будешь меня также обнимать спустя двадцать и тридцать лет, — слышу голос Светы. -- И сорок лет Ясно.

Это очередная игра на публику. Мне становится так горько, что аж сердцебиение затихает от отчаяния.

Какая же я дура. Я опять приняла порыв Богдана обнять меня за чистую монету, а на деле он вновь продолжает лицедействовать перед дочерью и будущим зятем.

— Пока, пап! — кричит Света. — Пока, мам! Мы, может, вечером на ужин заскочем?

— Мы будем только рады! — отвечает Богдан, продолжая крепко стискивать меня в объятиях, в которых мне мучительно больно. С меня будто содрали кожу живьем. — Тогда с вас десерт.

— Принято! — доносит ветер голос Андрея. — И я помню, Любовь Константиновна любит малиновый чизкейк!

Я, конечно, могу сейчас оттолкнуть Богдана с криками, что он козел и урод. Могу устроить некрасивую сцену с истерикой, которая, возможно, закончиться преждевременными родами и лужей крови на брусчатке, но по факту... что это изменит?

Я окрашу жизнь моих детей в безрадостные тона трагедии, ненависти, криков и отчаяния, но по итогу я как была дурой, так и останусь. И к тому же после моей истерики мне

точно прилетит от Богдана и даже от его отца, который никогда не был на моей стороне.

Поэтому я мягко отстраняюсь от обманщика-мужа и поднимаю ладонь, чтобы попрощаться с дочкой, которая с улыбкой до ушей машет мне, а после прижимает к Андрею.

— У меня вопрос, Богдан, — поправляю волосы дрожащими пальцами, — если Андрюша поступит с нашей дочерью так, как ты поступил со мной, — поднимаю на него обреченный взгляд, — то ты... — хмыкаю, — был бы рад?

Глава 21. Пора взрослеть

— Нет, я бы не был рад, — отвечает Богдан и с явным агрессивным раздражением приобнимает меня к машине. — Ты задаешь глупые вопросы, Любаш. Если ты не заметила, то я и сейчас не особо счастливый и радостный.

Последние слова уходят в хриловатый рык злости.

— Ах, глупые вопросы я задаю...

Я все же Богдана отталкиваю.

Андрей и Света скрылись за углом цветочного и нас уже не видят, поэтому терпеть близость Богдана я не хочу.

— Не трогай меня! — рявкаю я полушепотом. — Что ты ко мне лезешь?! Мне противно от тебя!

Меня опять начинает трясти, а Богдан прищуривается как хищник в засаде:

— В твоих интересах, Любаш, успокоиться. Дыши, милая. И если ты забыла, то я тебе напомню, мое солнышко, ты на поздних сроках.

Опешив в очередной раз от его наглости, я возмущенно моргаю и шепчу:

— Ты специально...

— Что именно?

— Ты все подстроил, чтобы я опять забеременела? Да?

Цыкает и со вздохом немного приподнимает брови, чтобы выразить мне свою мужскую снисходительность, которая

подтверждает мои догадки.

— Возможно.

— Возможно?! — Охаю я и мне становится липко между лопаток, куда сегодня с утра целовал Богдан.

— Я всегда хотел троих детей, Люба. Для тебя это новость? Мы это с тобой обсуждали, разве нет?

У меня голова кружится и тошнота усиливается. Кажется, обед просится на пиджак и белую рубашку Богдана.

— У тебя как раз и три ребенка было... — цежу я сквозь зубы, — или мне напомнить о Доминике... М? Имя-то какое вы ей выбрали... — смеюсь, — у тебя со мной как-то все попроще, а с Кристиной вы такие выдумщики, куда деваться.

— От тебя хотел троих детей, — голос Богдана вновь становится стальным, а глаза холодными и отстраненными.

Он подходит ко мне, решительно берет меня под локоть и доводит до машины. Он и сам сейчас будто весь из стали. Ни крупинки мягкости или нежности:

— Тебе надо выпить таблетку.

— Оставь меня в покое...

— Я подумаю над этим, но после твоих родов, — цедит он сквозь зубы и сжимает мой локоть крепче, до боли, — и после свадьбы нашей дочери.

— Зачем тебе от меня трое детей... — сдавленно спрашиваю я и предпринимаю попытку выдернуть руку из его жестокого захвата. — ты меня использовал...

— Если ты продолжишь разговор в том же духе, что я тебя

использовал, что я тебя подставил с беременностью, — он мягко, но уверенно разворачивает меня к себе и с угрозой заглядывает в глаза, — что я подстроил все и что лучше бы ты сделала аборт, то я сделаю неутешительный вывод, что ты не любишь нашего третьего малыша, а мать, которая не любит ребенка...

— Прекрати немедленно...

— Ты прекрати, — сейчас его зрачки не расширены и говорят мне о том, что мой муж разъярен.

Я должна быть осторожной. Я не смогу взять его истериками, слезами и обидой, которая провоцирует в нем ответную агрессию.

Через несколько секунд напряженного молчания Богдан помогает мне сесть в машину, но затем не торопиться захлопнуть дверь и оставить меня. Он достает из кармана пиджака блистер с таблетками.

— Какой же ты бессовестный...

— Ты меня таким и полюбила, — поднимает взгляд.

Я выхватываю блистер из его пальцев, выдавливаю на ладонь таблетку и закидываю ее в рот.

Он прав, истерики мне не помогут, и на мне слишком большая ответственность за новую жизнь.

— Я все-таки предупрежу отца, чтобы он был с тобой мягче, — говорит Богдан, внимательно наблюдая за мной.

Поворачиваю к нему лицо, и он улыбается:

— Лишь попрошу просто не быть резким. В подробности

вдаваться не буду, Любаш, а то будет все выглядеть так, будто я ябедничаю.

— Я справлюсь с твоим отцом, — зло рассасываю травяную таблетку, и рот наполняется горечью.

— Думаешь? — его взгляд опять меняется.

Опять он темнеет мужской заинтересованностью.

— Да, — сглатываю горькую слюну. — Пора взрослеть.

— Хорошее решение, — подается в мою сторону, придерживая дверцу рукой. — Сорок лет уже, как никак. Важный рубеж жизни.

Глава 22. Мне не правилась твоя семья

— Я сегодня познакомилась с внебрачной дочерью Богдана, — смотрю на сухую узловатую ветку, что торчит из высокой белой вазы, стоящей на полу. Перевожу взгляд моего свекра Алексея Романовича. — Очень интересная встреча получилась.

Они с Богданом похожи. Только у его отца больше морщин и волосы почти все поседели, но вот эта агрессивная сильная порода чувствуется и в седине.

Я не знаю, чего ждала от Алексея Романовича, но не того, что он только вскинет бровь и медленно отставит чашку с кофе на стол:

— Вот как.

— И все? — обескураженно спрашиваю я.

— А чего ты ждешь? — вздыхает.

Я растерянно моргаю.

Кажется, я зря пришла.

— Вы мне... лгали, — неуверенно говорю я и чувствую себя душой под усталым и снисходительным взглядом свекра. — Вы и Богдан... — я замолкаю и через секунду продолжаю, — зачем?

— Затем, что это было правильно.

— Нет.

— Неубедительно.

Я опять моргаю. Прохожу к креслу перед столом свекра, и медленно опускаюсь в него:

— У вас никакой совести...

— Я бы был на твоём месте поосторожнее в словах, Любень, — вновь поднимает чашку у к губам. — Ты же знаешь, я не люблю оскорбления.

— Это не оскорбление, это констатация факта.

Делает глоток и немного прищуривается на меня, и я, как в юности, теряюсь под этим сканирующим и оценивающим взглядом, но я уже не восемнадцатилетняя соплячка.

— Я знаю, что я вам никогда не нравилась, — тихо смеюсь, чтобы скрыть свою неуверенность, — но обманывать меня... покрывать сына...

— А кого мне ещё покрывать? — Алексей Романович хмыкает. — Например... — задумчиво тянет и насмешливо предлагает, — твоего отца?

— Что? При чем тут мой отец?

Алексей Романович откидывается назад на высокую спинку кресла и делает вновь глоток, который долго смакует.

— Дело не в том, что ты мне не нравилась, — Алексей Романович пожимает плечами, — мне не нравилась твоя семья, Люба.

— У меня хорошая семья...

Становится липкой и холодно. Я пришла говорить не о

мама и папе, а о Богдане и его внебрачной дочери.

— Нет, — Алексей Романович расплывается в улыбке. — Вы были по уши в долгах, Люба, но у твоего отца была суперспособность играть на публику богатого и обеспеченного человека, но долги росли и росли... — теперь смеется Алексей Романович, — а еще он был заядлым игроком. Все верил, что однажды отыграется.

— Это неправда... — у меня вспотели ладони. Я прижимаю их к бедрам. — Какие глупости...

— Ты была из семьи игромана и мужика с большими долгами, Люба, — голос Алексея Романовича становится хлестким, как плеть, — и эти долги потом закрывал я, но... — поднимает указательный палец вверх, — все эти деньги Богдан обязался мне вернуть.

— Что?

— Он дал мне слово, что все деньги, которые я потрачу на то, чтобы вытащить твоего отца из дерьма, он мне вернет, — Алексей Романович покачивается в кресле, продолжая снисходительно глядеть на меня, — а еще пообещал, что он приумножит капитал нашего бизнеса, расширит его... Докажет мне, что он тот мужик, который достоин сам выбирать, с кем вступать в брак. И он выполнил свои обещания, — Алексей Романович вновь на меня прищуривается, — однако, Люба, если мой сын тогда был воодушевлен юностью и верой в лучшее, то я — нет.

— О чем речь? — сжимаю ладони в кулак

— У твоей семьи ничего своего нет, — Алексей Романович не моргает. — И их, по сути, содержит твой муж.

— Но как же... Это неправда... У отца бизнес...

— Который давно стал крошечной частью моего, — Алексей Романович не спускает с меня взгляда. — Он лишь играет роль босса за зарплату, а на деле... — жестоко усмехается, — чмо, которое рыдал у меня в ногах, умоляя о помощи.

Прижимаю ладонь к животу, широко распахнув глаза:

— Вы лжете...

— При разводе, Люба, если ты и получишь что-то, то только то, что решит тебе отавить Богдан, — Алексей Романович делает очередной глоток кофе. — Еще одним из моих условий вашего брака было то, что он преумножает, расширяет и делает бабки только под моим именем.

Я медленно и судорожно выдыхаю, а Алексей Романович подается в мою сторону:

— Я не тот человек, который рискует деньгами ради подростковой любви и верит в “жили долго и счастливо”. И как видишь, я оказался прав.

Глава 23. Принцесса

Я сижу в холодном шоке, а Алексей Романович смотрит на меня с меланхолией старого хищника:

— Раз у нас тут развод намечается, то надо притормозить с передачей Богдану, — похлопывает по подлокотнику кресла и смеется, — всего того, что я нажил за эти годы. Подождем, когда у меня на столе будет лежать свидетельство о расторжении вашего брака.

Я один раз медленно моргаю.

— Каждый раз удивляюсь тому, как некоторые ситуации происходят вовремя, — усмехается и прищуривается на меня. — Наконец, собирался на пенсию, Люба, а тут ты.

— Я с вашим сыном не из-за денег...

— Конечно, — хмыкает он, — но жила на широкую ногу. Дом с домработницей, няни, водители, садовники... — задумывается и продолжает, — личный шеф-повар, который учил тебя готовить высокую кухню, потому что ты хотела удивлять всех вокруг кулинарными талантами... ммм... массажисты, личные тренеры по пилатесу, йоге, преподаватель по рисованию... Дальше мне лень перечислять, поэтому сразу задам некрасивый вопрос. Кто всю эту радость оплачивал? Богдан. Ты не была простой бабой, у которой три работы, кредиты и застиранные дырявые трусы.

— Хватит! — повышаю я голос и прижимаю ладонь к жи-

воту. Сильный пинок. Понижаю голос, — мне ничего от вас не надо...

Алексей Романович улыбается шире, и мне стыдно признаться, что мне сейчас не хватает Богдана, при котором его отцом ни разу такие темы не были подняты.

Я была его принцессой, которая всегда за ним пряталась, а сейчас я... Кто я сейчас? Точно не принцесса, но зато я теперь знаю, почему Алексей Романович был против в меня в роли невестки.

От моей семьи он ничего не получил. Я была убыточным проектом, который вытянул лишь Богдан на своем упрямстве и желании доказать отцу, что он и долги отдаст, и семейные деньги преумножит.

— Так поют лишь птички, которые никогда сами не работали и не знают цену деньгам, — Алексей Романович смеется. — Песенка, признаюсь, гордая и трогательная, но... допустим, Люба, тебе ничего не надо, но твоему отцу... Он же бы вцепился в эту возможность поиметь с нашей семьи.

— Не смейте...

— Посмею! — гаркает Алексей Романович и бьет кулаком по столу. — Посмею, Люба! Ты пришла сюда за тем, чтобы вылить на моего сына грязь, какой он мерзавец?! Не по адресу! Сколько раз мы с ним вытаскивали твоего папашу из казино?! Сколько раз его жопу прикрывали?! Он ведь семья! Мы же породнились! Его проблемы теперь наши проблемы! И да, — его голос становится громче, — он первый побежит

к адвокатам, чтобы якобы отвоевать дочуркину долю, — его лицо кривится, — а, может...

Я аж задерживаю дыханию под острым взглядом, в котором много ненависти и злости:

— А, может, мне не стоило говорить о том, что Богдан сейчас ничем не владеет? М? Чтобы потом понаблюдать за этой возней, в которой твой папочка попытается отжать у бывшего зятка то, что якобы причитается его дочери, — щурится так сильно, что его глаза похожат на две тонкие щелки, — а насчет внебрачной дочери, Люба... — усмехается, — я так скажу... — вновь откидывается назад на спинку кресла и опять покачивается, — в моем завещании будут только официальные внуки.

Вот что имел в виду Богдан под словами, что пора взрослеть?

Что пора открыть глаза и узнать правду не только о нем, но и об отце, который тоже все эти годы лишь играл роль уважаемого предпринимателя средней руки?

Не верю.

Алексей Романович лишь пытается меня запугать и забить в угол, чтобы я и не думала уходить от его сына, от милости которого слишком многое зависит.

— Да, я был против вашего брака и теперь, — Алексей Романович буравит меня черным и неприязненным взглядом, — будь у меня возможность вернуться назад, я бы настоял на том, что вам с Богданом не по пути. Потому что... потому

что в тебе нет верности нашей семье.

У меня на глаза наворачиваются слезы, а глотку схватывает болезненный спазм. Я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Больно такое слышать, но мне нечего сказать против.

— Ты принцесска, которая любит танцевать на полянке, но... — Алексей Романович окидывает меня разочарованным взглядом и вновь всматривается в мои глаза, — ты не королева. Та готова спалить королевство спустя столько лет... Удачи, — насмешливо ухмыляется, — начинай свою принцессочью истерику, и посмотрим, что из этого получится. Мне даже любопытно, как поступит Богдан. Он же больше не влюбленный дурной мальчишка, верно?

Глава 24. Потерять все

Богдан обрисовал мне перспективы, если я начну истерить. Закроет, поставит охрану, а потом, возможно, задумается над тем, что нашему третьему ребенку не нужна такая принцесса-истеричка.

Не планирует он больше скакать вокруг меня, оберегать от жестокого мира и сам теперь не станет играть любящего заботливого мужа.

Утром я была женщиной, жизни которой позавидует любая другая, а сейчас я среди руин.

Слабая, никчемная и без покровительства мужа, с которым мы сейчас у той грани, за которой мы можем стать врагами.

Он задавит меня, как блоху, если решит, что я больше не его семья.

Что мне делать?

Я и сама понимаю, что истерики — не вариант, но опустить голову и сделать вид, что ничего не знаю, я тоже не смогу.

Я должна выстроить сейчас с Богданом осторожный и сдержанный диалог, в котором я смогу его вывести к тому, что я — не враг. И не истеричка, которую надо наказывать.

Надо успокоиться.

— Ладно, пап, — доносится из-за входной двери голос

Аркаши. — Я буду к ужину... Но мне правда обязательно быть?

— Обязательно, — слышу голос Богдана. — Семейные ужины, Аркадий, это не блажь.

— Да знаю я, — недовольно тянет Аркадий, — знаю.

Медленно поворачиваю ручку и вхожу в дом. Аркадий сует ноги в кроссовки и оглядывается:

— Мам, может, ты скажешь папе, что я могу сегодня пропустить ужин?

— Такие вопросы ты должен сам с отцом решать, — отставляю сумку в сторону и стягиваю с шеи шарфик. — Сам объясни, почему ты хочешь пропустить ужин.

Голос у меня блеклый и уставший.

Я бы сама отказалась от ужина, но у меня нет такого права. Я должна быть осторожной.

— Шататься по городу с братанами, — к нам из гостиной выходит Богдан, — это не причина пропускать сегодняшний ужин.

На нем — белая футболка, тонкие хлопковые штаны и домашние тапочки. Такой весь большой и уютный.

Подплывает ко мне и помогает снять тренч. Не сопротивляюсь.

— Понял, — вздыхает Аркадий, — ужин — это святое. Задумываюсь.

Сам Богдан пропускал святые ужины, на страже которых сейчас ревностно стоит. У него были командировки и дело-

вые встречи, а они могли задержать нашего папочку до позднего вечера.

— А на ужин что будет? — Аркадий обращается ко мне и накидывает на плечи кожаную куртку.

Точно.

Я тут мама и хозяйка.

— Не знаю, — тихо отвечаю я и аккуратно разуваюсь из туфель. —

Богдан придерживает меня за локоть.

Какой заботливый.

— Ладно, я пошел.

Аркадий выскакивает на крыльцо. Щелкает язычок замка, и мы опять остаемся с Богданом один на один.

Повзрослеть, значит?

— Твой папа приостановит передачу своего королевства в твои руки, — семеню в гостиную. — Я ему подпортила пенсию.

— Это было ожидаемо, — отзывается Богдан без тени раздражения или гнева.

Я оглядываюсь.

— Удивлена? — спрашивает он.

Я хочу кинуть Богдану в лицо, что при разводе мне ничего от него не надо. Я лишь хочу свободы от него, но я опять вызову в нем вспышку агрессии.

Он однажды, когда делился мудростью с сыном, сказал, что на переговорах со сложными инвесторами нужно быть

спокойным, как дрессировщик с хищниками.

Надо знать и помнить свою цель, и уверенно вести “жертв” к тому итогу, который будем нам выгоден.

Никаких эмоций. Нельзя раздражаться, паниковать, бояться или обижаться на упрямство тех, кто не хочет просто так отдавать блага.

В его случае он говорил о деньгах, а в моем — я хочу добиться развода с наименьшими потерями.

— Удивлена, — соглашаюсь я, — у меня сегодня весь день очень удивительный, Богдан. Твоя внебрачная дочь, мой папа-игрок, долги моей семьи и ты... весь такой благородный... — хмыкаю и замолкаю, потому что начинаю злиться.

А эмоции сейчас лишние.

— Мой отец тебя обидел?

— Нет, — тихо отвечаю я. — На правду не обижаются.

— А какая была правда, Люба?

— Что я останусь ни с чем, — немного прищуриваюсь, — и что вы меня сожжете, если буду громко вкять.

— Интересно, — делает ко мне шаг, — ты испугалась?

Домашний и уютный мужик в домашних тапочках за мгновение обращается в хищного монстра с внимательным и цепким взором.

— Это ты мне ответь, — я не отвожу взгляда, — мне стоит бояться? М? — делаю паузу и уточняю. — Тебя бояться.

Несколько секунд молчания, и тихий ответ, от которого я покрываюсь холодными мурашками от головы до пят:

— Да, стоит.

Тоже не отводит взгляда. Жутко. Вот он какой на самом деле мой муж Абрамов Богдан Алексеевич.

Он был мягким и нежным с дурочкой, которая жила во лжи, а с женщиной, узнавшей правду, он, наконец, может убрать с лица маску с ласковой улыбкой.

— Твоему отцу очень любопытно, как ты поступишь со мной, если я начну истерить, — медленно выдыхаю, с трудом сдерживая в себе слезы. — И ты не думаешь, что тебе будет выгодно взять со мной развестись, а после, наконец, получить в свои руки семейное дело, м? Самому стать королем? Зачем я тебе? Если так подумать, то ты из-за меня продолжаешь быть у отца на побегушках.

— Как интересно, — он проходит мимо, — на побегушках? — оборачивается. — Знаешь, Люб, побегушки, как ты сказала, будут поважнее счетов в банке и недвижимости. Связи — это главное, и все свои связи отец мне давно передал. Останусь без ничего, то поднимусь, и мой отец знает это. Он этого и добивался, а ты... купилась на его провокации и пришла назвать меня мальчиком на побегушках? Да, он ставит подписи в договорах, но сделки уже давно заключают со мной, — недобро прищуривается, — и быть таким мальчиком на побегушках я научу и Аркадия. Важно быть готовым потерять все.

— Какие мудрые слова, — цежу я сквозь зубы.

Я вот оказалась неготовой потерять все.

— Я думаю, что тебе пора готовить ужин, Люба, — Богдан приглаживает своей здоровой пятерней волосы с высокомерной насмешкой. — И чем ты нас сегодня удивишь? Французской кухней? Или, может, чем-нибудь сицилийским?

Глава 25. Это дело прошлого

Смазываю курицу смесью из соли и черного перца, а затем запихиваю в нее апельсины и веточки розмарина.

Я всегда наслаждалась готовкой, а сейчас вожусь на кухне машинально и отстраненно. Богдан загнал меня в угол, и да я его боюсь.

В голове пробегает мысль, что единственное мое спасение — это его смерть.

Я ее отгоняю.

Отвлекаюсь от курицы. Напряженно жую губы, а после торопливо мою руки. Сдуваю локон со лба и выуживаю телефон из кармана передника.

Не могу я быть покорной идиоткой, которая молча готовит ужин по приказу мужа-самодура и не вякает.

Злюсь на себя, что при встрече с Доминикой грохнулась в обморок, поддавшись глупым эмоциям.

Именно, глупым.

То ли таблетки работают, то ли душа моя обледенела за этот сумасшедший день, но сейчас бы я с Доминикой не охала и не ахала.

Я бы взяла ее в оборот и все бы разузнала.

Но я же эмоциональная дура.

— Люба? — слышу в трубке удивленный голос Ирины, сестры Богдана. — А я о тебе вот только подумала.

Вслушиваюсь в ее голос в попытке понять: а в чьей она команде. В команде лжецов или в команде наивных дурочек.

— Я тут такие сладкие пинетки купила, — воркует она. — Ничего не знаю. Это уже десятая пара, но это просто отвал башки. Тебе понравятся. Хотя не тебе же носить...

— Слушай, а почему звоню...

Блин, как бы вывести ее на чистую воду с вопросами о ее бывшей подружке? Была, не была.

— Я видела сегодня Кристину, — говорю я.

— Какую Кристину? — голос недоуменный.

— Ну, Кристину, — теряюсь я, а затем понимаю, что на кухне я не одна.

Оглядываюсь. Богдан стоит у стола, вскинув бровь. Вот черт. Сглатываю, но он молчит. Ему, видимо, любопытно, к чему придет мой разговор с его сестрой.

— Твою подружку, — крепко сжимаю телефон. — Крис...

— Господи! — охает Ирина. — Ту Кристину!

Богдан усмехается и подхватывает яблоко из вазы. Садится за стол и откидывается на спинку стула.

Кажется, я опять сделала неверный шаг в игре против бующего "короля".

— Офигеть, — отзывает Ирина. — Ой, я ее с первого курса не видела.

Лжет?

— Как у нее дела? — интересуется Ирина. — Все такая же? Она же не любила тебя.

— Ага, — соглашаюсь я, — потому что была влюблена в твоего брата, — щурюсь на Богдана, который с хрустом кусает яблоко. — Вот и ненавидела меня.

— Ей все равно не светило, — Ирина хмыкает, — но это было очень обидно, что со мной дружили из-за Богдана, а после еще обвинили, что это я виновата, что вы поженились.

Богдан медленно жует яблоко, продолжая буравить меня взглядом.

— Почему?

— Ну... — Ирина вздыхает и замолкает на несколько секунд, — слушай, это было так давно, Люб...

— Да, говори уже... А то она была со мной такая милая, — вздыхаю я и с трудом выдерживаю зрительную дуэль с Богданом.

— Конечно, милая, — фыркает Ира, — она умеет быть милой и мило уговаривать о том, чтобы подставить тебя и наговорить на тебя, что у тебя был другой... Ради шутки, ага. Весело же.

— И?

— Ну, — Ирина зевает, — у меня мозгов хватило не делать этого, Люб. Ты мне тоже тогда не особо нравилась, но... мне было стремно врать Богдану.

У меня в груди растекается какая-то детская обида за то, что меня никто не любил из семьи Богдана.

— Я хоть кому-то нравилась?

— Богдану, Люб. Это же самое важное, разве нет? — Ири-

на чем-то шуршит на стороне. — А потом и мы привыкли.

— Ну, спасибо.

— Не обижайся, — теперь Ирина чем-то аппетитно похрустывает. — Да, честно говорю, что ты мне не нравилась, но я же не пошла против тебя, хотя...

— Что хотя?

Богдан опять с хрустом кусает сочное яблоко и прищуривается на меня. Капля яблочного сока падает ему на грудь.

— Я ведь ждала его свадьбы с Бруньковой.

— Какой Бруньковой? — тихо спрашиваю я.

Богдан опускает взгляд на темное пятнышко на футболке от яблочного сока. Вздыхает и вновь смотрит на меня.

— Люба, да ты чего? — Ирина снисходительно смеется.

— Бруньков. Ну! Ты чего?! Алмазная девочка.

Мозги у меня совсем не соображают. Фамилия знакомая, но я никак не могу за нее зацепиться.

— Брулмаз, Люб, — Ирина вздыхает. — Сейчас, правда, уже не Брулмаз...

— Господи... — выдыхаю я. — Не Брулмаз... А Албоза... Приваливаюсь к холодильнику.

Бозанины — это та семья, с которой мы породнимся меньше через неделю. Отец Андрея — Бозанин Валерий владеет алмазодобывающей компанией, которую он якобы выкупил за долги у Брунькова Виталия около двадцати лет назад.

Я подробностей не знаю, но я помню ту статью в газете о банкротстве Брунькове, и помню, как Богдан после этой

статьи позвонил отцу и поднялся к себе в кабинет.

— Так что, хорошо, что не женился, — подытоживает Ирина, — казались такими крутыми, а все просрали... Говорят, что Бруньковы сейчас в какой-то глухой деревне живут. Вот так, с вершины в грязь, но мне не жаль, там столько понтов было, а после... ну, после того, как Богдан заявил, что женится на тебе, там угрозы посыпались... — вздыхает. — Я же везде свой нос совала и подслушала тот разговор, в котором Бруньков обещал устроить нам все сладкую жизнь, а тебе... выкидыш.

— Чего?

— Но это дело прошлого, — Ирина цыкает. — Отпускай меня, мне надо на встречу.

Гудки, и я откладываю телефон.

— Надо сказать, — Богдан откладывает огрызок яблока в сторону, — это была та самая многоходовочка от моего отца, которая показала, насколько он может быть изворотливыми и жестоким, когда вопрос касается угроз в сторону его семьи, — встает и усмехается, — и я думаю, что его из себя вывела именно угроза о твоём выкидыше.

— Но... я не понимаю... если так, то почему он себе не забрал...

— В разрушении чужой жизни, чужой империи, чужих планов, надо быть в стороне, — Богдан похрустывает шеей. — И забавно, что мои внуки все равно будут алмазными детками, — задерживает взгляд на моем лице. Хмурится, — и

не одобряю того, что ты позвонила Ирине. Я же тебе сказал, никто кроме моего отца ничего не знал.

— Но он мне так ничего о Кристине и не сказал, — приподнимаю подбородок, чтобы скрыть вспышку страха перед Богданом.

— А, может, мне вам устроить встречу, а? — Богдан смеется, и я опять вся покрываюсь острыми холодными мурашками. — Чтобы вы друг другу мозги жрали, а не мне. Люба, ты все эти годы жила спокойно и никуда не лезла. Вот и не лезь.

Рот закрой

ПРИГЛАШАЮ В НОВИНКУ! БОЛЬНО, СЛОЖНО,
ЭМОЦИОНАЛЬНО И ОЧЕНЬ НЕСПРАВЕДЛИВО

<https://litnet.com/shrt/PDPP>

“После измен. Закрой рот и будь мудрой женщиной”

<https://litnet.com/shrt/PDqP>

Закрой свой рот! — от баса мужа вздрагивает хрустальная люстра над моей головой. — Как же ты меня...

Он хочет выругаться матом, но медленно выдыхает и сжимает кулаки, глядя на меня исподлобья. На его виске вздулась вена.

— Как же ты меня утомила, дорогая, — Демьян понижает голос до разъяренной хрипотцы. — Ты бы знала...

— Ты ответишь на мой вопрос?! — мой голос в отчаянии срывается в судорожный шепот. — Говори! У тебя кто-то есть?!

— Да, — он не отводит взгляда. Голос успокаивается, а глаза, как льдинки, — теперь ты успокоишься?

Двадцать пять лет брака. Двое детей: старший сын Макар под покровительством отца развивает свой стартап, а дочка

Марьяша учится в лучшей кулинарной школе Европы. Демьяну — сорок шесть. Мне — сорок четыре.

И жизнь решила меня удивить не только ранней менопаузой, но и тем, что у моего любимого мужа есть любовница

<https://litnet.com/shrt/PDaP>

Глава 26. Удивляешь

Я, конечно, знала, что отец Богдана серьезный дядя, но я, если честно, не думала, что настолько.

Если он и Богдан подвели одну из богатых и влиятельных семей к банкротству, то у меня вообще никаких шансов им противостоять.

Что я смогу сделать против тех, у кого деньги, связи и власть?

Да, я понимала, что в браке с непростым мужчиной и на всех встречах, торжествах и мероприятиях я видела, что к Богдану и его отцу относятся с большим уважением и даже где-то заискиванием, но...

Я была по ту сторону, на которой я была частью сильной и опасной семьи, и со мной тоже разговаривали с улыбками полупшепотом.

А теперь я могу оказаться капризной бабой, которую надо прижать к ногтю, если решит пойти против.

И вместе со мной в опасности и мои родители.

Будто уловив мою тревогу, мне звонит отец.

Я до сих пор не верю, что обманщик и игроман.

— Телефон, дорогая, — говорит Богдан и вскрывает банку с оливками с тихим щелчком.

Смотрю на него и крепко сжимаю деревянную лопаточку.

Он, видишь ли, решил помочь мне с ужином.

Садист. Он даже на кухне не оставит меня одну.

— Телефон, — повторяет он и делает глоток глоток рас-сола из банки с оливками.

Одобрительно хмыкает.

Он проверяет меня на стрессоустойчивость? Контролирует? Или просто наслаждается тем, что загнал меня в угол?

Откладываю лопаточку и подхватываю со стола телефон. На глазах от улыбчивой фотографии папы выступают горячие и едкие слезы. Я ведь разрыдаюсь.

Я хочу ему пожаловаться.

Я хочу услышать от него, что все будет хорошо.

— Да, па?

Прикладываю телефон к уху и придаю голосу привычную беззаботность. Богдан косится на меня и вываливает оливки в стеклянную чашку с рукколой и черри.

— Привет, доча, — голос у папы ласковый и тихий, — как ты?

— Хорошо, — закрываю глаза, и по щеке скатывается слеза. — Вот ужин готовлю. Светка с Андреем придут...

Молчание на несколько секунд, и затем следует обеспокоенные слова:

— Голос у тебя какой-то... расстроенный...

Точно сейчас выпущу из себя всю обиду и слезы. И мне все равно. к черту Богдана и его отца. Они лжецы. В достижении своих подлых целей они пойдут на все, и даже на то, чтобы оклеветать моего отца.

— Неужели с Богданом поссорилась?

Замираю.

Открываю глаза.

Я уловила в голосе отца вместе с тревогой что-то нехорошее. Что-то меня в его вопросе царапнуло холодным когтем настороженности.

Богдан отставляет пустую банку оливок, и разворачивается ко мне. В ожидании вскидывает бровь.

— Нет, не ссорились, — отвечаю я и крепко сжимаю смартфон, — он мне сейчас с ужином помогает...

А после я ставлю звонок на громкую связь.

Я не могу, объяснить, почему я так поступаю, но я почувствовала в отце липкую ложь. Он звонит не для того, чтобы узнать, как я, а для того, чтобы услышать плохие новости.

Он ждал, что я расскажу ему о Доминике. Расскажу, и... Дальше что? Свекр был прав?

Отец бы начал грызню с адвокатами за половину материальных благ, которые причитаются мне, как жене морально-го уroda?

— Приветствую, Константин, — Богдан ловко выхватывает нож из стойки и тянется к фиолетовой луковице, — как вы?

Мой папа молчит, наверное, около минуты.

Явно, не ожидал того, что я сыграю другую карту в его игре. Богдан за одно движение снимает кожуру с луковицы.

— Да... Все хорошо, — наконец, сдавленно отвечает папа,

— вот позвонил, чтобы...

— Чтобы? — спрашивает Богдан.

— Чтобы слышать голос дочери, — тихо говорит папа, — соскучился. И волнуюсь. Поздний срок, все-таки... — смеется, — вдруг, родила?

— Нет, еще не родила, — хмыкаю я и накрываю лицо ладонью.

Хотя могла.

Мой отец связан с появлением Доминики?

Это он постарался, что она появилась именно сейчас?

— Пап, потом поговорим, — я продолжаю держать голос в тональности беззаботной домохозяйки, — меня курица ждет. Я должна будущего зятя хорошо накормить.

Я сбрасываю звонок и отворачиваюсь от Богдана к окну. Прижимаю пальцы к губам и медленно выдыхаю.

Папа решил, что пора с семьи Абрамовых содрать то, на что он давно слюни пускал?

Теперь понятно, почему он однажды с наигранным жутким смехом пошутил:

— Я так-то тоже не пальцем деланный, и на моей улице будет праздник.

И это был ответ на новость, что Богдан добился очередного успеха в переговорах с иностранными инвесторами, которые готовы вложиться в строительство элитного поселка.

Так вот какого он праздника ждал. Моего развода и раздела имущества?

Или я надумываю и ошибаюсь?

Вздрагиваю, когда шею обжигает горячий и влажный выдох:

— Удивляешь, Люба.

Глава 27. Я не буду это терпеть

Я не моргаю, окаменев под теплыми губами Богдана, который целует меня в шею.

— Не трогай меня...

— Ты моя жена.

Меня всю передергивает от его шепота, в котором я улавливаю хрипотцу возбуждения. Какое же он чудовище.

Неуклюже разворачиваюсь к Богдану.

— Ты отвратителен, — говорю я ему и взгляда не отвожу.

В его глазах пробегает темная тень.

Вспылит?

Накричит?

Опять закидает угрозами?

— Я знаю, — отвечает он, и от его честного ответа я теряюсь.

На несколько секунд в его взгляде нет насмешки, злости или агрессивного вызова.

Это те глаза, в которые я однажды влюбилась, но Богдан моргает, и мимолетная искренность исчезает.

Следом меня накрывает волна сильной тошноты. Я кидаюсь к раковине, и меня будто выворачивает наизнанку, но Богдана это не смущает.

Он прячет курицу в духовку и невозмутимо шинкует фиолетовую луковицу на тонкие кольца, которые затем отправ-

ляет в миску с салатом.

Что будет с моим отцом?

Если он действительно связан с появлением Доминики и науськал ее раскрыть всю правду о папуле, то Богдан его накажет.

Серьезно накажет, ведь он учился у своего отца, который за неосторожные слова может привести сильную и уважаемую семью к краху.

Папа рискнул и подставил под удар не только меня, но и внука в моем животе, поэтому вряд ли ему все спустят с рук и только пожурят за щечку, что так нельзя поступать с Абрамовыми.

— О чем задумалась?

И мне не об отце надо думать, а о себе. Я должна сейчас выйти из ситуации с наименьшими потерями.

— Ты же понимаешь, — смываю со стенок раковину ошметки своей рвоты, — я не смогу быть с тобой после всего этого...

Я говорю без агрессии и обиды.

Это удивительно. Сначала мне казалось, что я могу умереть от эмоционального взрыва, а теперь мой голос — спокоен и тверд.

Я понимаю, что выживу и что жизнь продолжается, а паника с истерикой — плохие товарищи в беседе с Богданом.

Они его раздражают и злят, а со злым Богданом я ничего не добьюсь.

— Богдан, — вздыхаю я, опершись руками о край раковины, — я согласна с тобой, что мы должны провести свадьбу дочери без скандалов. Она заслужила праздник, и я понимаю, что на него приглашены непростые люди... — закрываю глаза, — но... прежней жизни у нас не будет.

Богдан не перебивает меня.

Наверное, это хороший знак?

— Я предлагаю после свадьбы Светы тихо и мирно разойтись, — глотку все же схватывает болезненный спазм, и я не могу его сглотнуть. Голос становится сдавленным, — Богдан, иначе у нас ничего не выйдет...

— Напоминаю, Люба, — отзывается он сдержанно и отстраненно, — ты беременная...

Это угроза? Он намекает, что если мы не будем в браке, то он отберет у меня ребенка?

И ведь у него есть для этого все карты на руках.

Он настолько мерзавец?

Выдыхаю и прикусываю кончик языка, чтобы прогнать панику, которая вновь цапнула меня острыми и ледяными клыками страха.

— Ты, конечно, можешь вынудить меня быть с тобой, — открываю глаза и смотрю на слив раковины, — угрозами и шантажом, но... какой тогда смысл? — оглядываюсь на Богдана, который срезает попки у огурцов. — Мы ведь все эти годы пусть и жили во лжи Богдан, но в нашей семье не было страха, ненависти и желания спастись от тебя.

Поднимает взгляд.

— Тебе же нужна рядом не затравленная женщина, которая боится тебя и того, что ты отнимешь у нее сына, чтобы наказать, — спазм в глотке словно набухает. — Если бы это было так, то ты бы давно уничтожил меня. Затравил, задал, но ты этого не делал. Вот и не надо, Богдан.

Прищуривается, крепко стискивая рукоять ножа.

— Да, я жду третьего ребенка, — делаю медленный вдох, — и никто не отнимет твоего права быть отцом. Тихо и мирно, Богдан.

Щурится сильнее, и мне хочется спрятаться со слезами от его острого и изучающего взгляда под стол.

— Той семьи, которую ты оберегал, больше нет и не будет, — я с трудом выдерживаю его взгляд. Кухня размывается в пятна из-за слез, — ты же должен это понимать. Ты никогда не был дураком.

Он молча откладывает нож и огурец на стол. На виске пульсирует венка, на щеках играют желваки, а взгляд темнее.

Страшный до тошноты.

Я думаю, что в таком состоянии мужики людей убивают, но Богдан выходит из кухни, бесшумно прикрыв за собой дверь.

И как это расценивать?

Хочу кинуться за ним с криками, что он должен отпустить меня, но я сдерживаю себя. Ему тоже надо подумать, понять, осознать и прийти к выводу, что мы переступили за грань,

за которой больше нет доверия и любви.

Вздрагиваю, когда до меня долетает глухой звук удара по стене, а после рык. Мой муж на грани, и я сейчас должна затихнуть, чтобы он не отвлекался на меня с мыслей, что мы пришли к финишу нашей семьи.

На столе у миски с салатом коротко вибрирует телефон Богдана. Он его забыл. Подскакиваю к столу, не осознавая своих действий, хватаю смартфон, на экране которого высветилось имя “Кристина” и принимаю звонок. Когда я прикладываю телефон к уху, на кухню возвращается Богдан, а в трубке слышу истеричный голос на грани рыданий:

— Она избилла нашу дочь, Богдан! Я не буду это терпеть!

Глава 28. Да, я тебе кое-что скажу

Я жду, что Богдан кинется ко мне, вырвет телефон с раздраженным рыком и скажет, чтобы я затихла и следила за курицей, но я, видимо, плохо знаю своего мужа.

Он лишь вскидывает бровь и не собирается с дракой отнимать у меня свой телефон.

Смотрим мы сейчас друг на друга не как враги и не как любящие муж и жена. Сейчас мы — незнакомцы, которые оценивают друг друга в очень сложной ситуации, и от наших выводов зависит то, кем мы станем.

Врагами или теми, с кем можно решать, например, вопросы опеки над малышом и участия в его

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.